

Сборник рассказов и новелл

СУХУМИ

ЗЕРКАЛО ВОСТОМИНАНИЙ

автор

Майя Сохумели

18+

Майя Сохумели

Сухуми: зеркало воспоминаний

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Майя Сохумели

Сухуми: зеркало воспоминаний / Майя Сохумели — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03920-9

Далекое, но незабытое прошлое. Среди огромного мира, где двух миров встречается надежда, есть Сухуми, сотканный из разных национальностей, культур и вкусов. Сухуми — огранный бриллиант, нанизанный на Черное море. Мой город, объятый ароматами сирени и гортензий. Где каждую осень разливается запах мандаринов. Место, которое, подобно райским плодам, рождает в сердце непреодолимое желание обладать этим маленьким уголком большой земли. Но к чему же может привести жажда единоличного обладания?

ISBN 978-5-532-03920-9

© Майя Сохумели, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Я, бабушка и вино	7
ЭМИГРАНТСКИЙ СОН	15
«Амра» – островок свободы и любви	15
Пасха в Сухуми	19
Дядя Толик и эротические карты	22
Чанба – любовь моя	25
Кино, вино и землетрясение	27
Запахи родного города	31
Рауль	35
Эмигрантский сон	38
Подаренное счастье	41
Мирная свадьба, военный сочельник	44
Сухумские яблоки	47
Мой Каштак	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

*Я друга потерял, а вы мне о стране.
Я друга потерял, а вы мне о народе.
На черта мне страна, где лишь цена в цене,
На черта мне народ, где рабство и в свободе.
И если мертв мой друг, народ мой тоже мертв,
И если он убит – страна моя убита.*

Евгений Евтушенко на смерть Джумбера Беташвили в Абхазии.

ВСТУПЛЕНИЕ

*Посвящаю эту книгу моему дедушке, коренному сухумчанину
Дихаминджия Корнелию Александровичу*

Дорогой мой читатель, друг ты мой или недоброжелатель, понравится тебе или нет мое творение, мне неизвестно, потому что человек – это огромная тайна, до которой всегда сложно добраться. И никогда не знаешь, как в сердце другого отыграются твои слова. Я же ставлю себе только одну цель – не вызывать ни у кого злости, гнева или обиды. В мечтах же у меня, чтобы каждый, прочитав книгу, мог окунуться в прошлое, вспомнить первую любовь, слезы, счастье и воспоминания, которые всегда блуждали в уголках души. И если суждено нам свыше было стать потерянными поколением, то давайте постараемся найти кусочки разлетевшихся судеб.

Когда мы покинули Сухуми, мне было 4 года, и мне самой непонятна загадка того, почему я так сильно была привязана к этому городу. Будто какие-то невидимые нити меня тянут, и с каждым годом все больше и больше тянут обратно в край Черного моря. Наверное, виновник всему – мой папа, который не забывает этот город даже спустя десятки лет. Каждое застолье он возвращается к своим воспоминаниям детства, юности и беззаботной молодости. Он рассказывает истории города, которые я с самого детства укладывала в уголках своей памяти и теперь перенесла это в огромную историю.

Я хочу поблагодарить всех, кто помог мне найти интересные сюжеты, кто рассказывал мне свои истории, кто делился своим горем и болью, кто решился выразить то, что так долго старался забыть. Отдельная благодарность Михаилу Новикову, Владимиру Митренину и Георгию Джахая, которые помогли воссоздать истории по своим воспоминаниям.

Как точно сказал Оскар Уайльд: «Воспоминания – единственный рай, из которого нас нельзя изгнать».

Среди огромного мира за заснеженными горами, среди переулков мировых столиц, где двух миров встречается надежда, есть город, который называется Сухуми. Мой город, объятый нежностью теплого солнца, пахучий ароматами сирени и гортензии. Где каждую осень разливаются по городу запах мандаринов, а от тихого штиля слышно сердце морского божества, так неистово доносящего нам свои правила. Место, которое, подобно райским плодам, рождает в твоём сердце непреодолимое желание обладать этим маленьким уголком большой земли. Для каждого он свой, но все его считают своим затерянным городом в маленьких уголках памяти. И ароматы роз, магнолии, глицинии и пахучих пионов через года слышатся сквозь шумные и несмолкающие звуки прибоя.

Если остановиться на самой высокой точке города, можно почувствовать, как дышит земля: тебя словно по волнам бросает от одного чувства к другому, и казавшийся некогда таким завораживающим, теплым и волшебным становится родным, настоящим и горячим твоему сердцу. Сухуми – город, сотканный из разных нитей, национальностей, культур и вкусов. Сухуми – словно ограненный бриллиант, нанизанный на Черное море и величественно укра-

шающий планету. И, знаете, если у Бога есть своя резиденция на земле, то думается мне, что именно у Черного моря Бог живет круглый год...

Я, дедушка и вино

Мне было совсем немного лет, когда случилась очередная бомбежка. Помню, как мама схватила меня и бросилась в угол. Она прижала меня к груди так крепко, что у меня на секунду перехватило дыхание, и я стала вырываться. Тогда мама слегка отпустила объятия и стала гладить меня по голове. Выстрелы стихли, а на второй этаж вбежала бабушка с криком: «Майко». В тот день мама должна была быть на работе, но ее отпустили, поэтому она вернулась раньше обычного и пробралась на второй этаж так, что никто из домочадцев – бабушка, дедушка и пару соседей – не видели маму. Поэтому все думали, что на втором этаже я нахожусь одна в своей кровати, играя с игрушками. Когда бабушка увидела маму, она успокоилась. В тот момент они решили, что мне пора покидать город. Это был сентябрь 1992 года. Мое детское восприятие некогда прекрасного и светлого города сводилось к одному – море и чайки. К двум годам я уже очень хорошо говорила на грузинском языке и знала фразы из русского. Помню, когда мама из очередной поездки в Чехословакию привезла мне фартучек с подсолнухами, то три дня я спала в нем. И на улице местным соседям пыталась объяснить: «Это чеми партуки» («это мой фартук»), – говорила я, объединив два языка воедино. В этом фартучке я любила гулять до набережной и обратно только с дедушкой, который многозначительно брал мою маленькую руку и проводил вдоль зарослей магнолии. Он рассказывал мне философские трактаты, которые мне были до ужаса интересны. А дедушка думал, что он просто заполняет пустоту нашего похода до моря и обратно. Я никогда не смогу забыть, как он удивился, когда я вдруг спросила его: «Дедушка, а как Кант описал бы море?».

Дедушка посмотрел на меня многозначительным взглядом; удивление, переплетенное с гордостью, рассеяло мой вопрос, он поднял меня на руки и крепко обнял. Кажется, что его никогда никто так внимательно не слушал, как я в тот момент. А мне было очень интересно, что же скажет о море этот странный непонятный Кант. Дедушка мне так и не ответил на этот вопрос, и я до сих пор думаю, что бы сказал Кант про море в Сухуми. Наши прогулки всегда заканчивались покупкой мне мороженого, а дедушке – пива. Он брал с меня слово, что я никому не расскажу, что он пил пиво. Я кивала головой и чувствовала себя самой счастливой в тот момент. Эта маленькая тайна, которая объединяла нас с дедушкой, делала нас особенными друг для друга.

Когда я услышала слово «уезжать», мне стало немного не по себе. С одной стороны, мой детский пыливый ум и любознательность трепетала перед осознанием новых мест, но с другой стороны, я боялась, что больше никогда не смогу вернуться. Не знаю, откуда в два года я могла понимать, что больше никогда не вернусь в этот город, но страх меня не покидал. Я выбежала во двор, где меня встретила бабушка Лаура. Это была тучная, седоволосая женщина, которая ходила с палочкой от своей квартиры до лавочки, где она каждый день очищала семечки и складывала зерна в коробок.

– Майя, иди сюда, дочка! – отозвала она меня.

Я не стала бежать к ней сразу, сначала я смотрела на нее секунды три-четыре пристально, не отрывая взгляд. Мне казалось, что Лаура сейчас отвлечет меня от важных дел. А какие были у меня дела во дворе, я пока не определилась.

– На, возьми, дочка, кушай, – протянула она мне спичечный коробок, который был наполнен очищенными семечками.

– Спасибо, – сказала я, забирая коробок, и улетела в сторону песочницы.

Мне хватило пяти секунд, чтобы расправиться с семечками. Выбросив спичечный коробок на землю, я интуитивно взглянула на Лауру и встретилась с ее укоряющим взглядом. Сгорая от стыда, я подняла спичечный коробок, вытерла его своим фартучком и, вернувшись, отдала Лауре.

– Спасибо, – сказала я с опущенными от стыда глазами и в мгновение упорхнула. На следующий день мы уехали, а после я больше никогда не видела Лауру. Я только слышала, как взрослые говорили, что ее забрал сын.

В соседнем дворе шумели соседи, и мне, конечно, хотелось посмотреть, что же там происходит. Я прошла мимо улочки и вошла в итальянский дворик соседней улицы. Люди поспешно собирали вещи, прямо на улице они складывали свои чемоданы. Мужчина выносил очередную вещь, а женщина кричала на него, что места не осталось, и он выбрасывал это в сторону, где сидели дети и игрались в бинокли, портсигар и книги. Я живо бросилась к детям, и мы стали играть. Как же просто бывает в детстве:

- Как тебя зовут?
- Майя!
- Будешь играть с нами, Майя?
- Буду.

И все, вы уже друзья, которые делятся самым дорогим друг с другом. Мы играли во все, что так жалостливо выбрасывал мужчина, а женщина лишь смотрела на чемоданы, которые были переполнены. Вдруг вышла бабушка, громко известила, что готов обед. Женщина повернулась к нам и крикнула: «Дети, пойдете кушать!»

Мои новоиспеченные друзья встали, и я привстала тоже, но не двигалась. Вдруг девочка оглянулась, взяла меня за руку и потащила за собой. Я зашла в дом, в суматохе никто и не заметил, что в семействе появился третий ребенок. За столом сидел дедушка в пиджаке и галстуке, я видела впервые такого дедушку. Мой дедушка всегда был в майке или рубашке, но видеть кого-то в костюме ранее не приходилось. Он сидел, чуть отделившись, строго вглядываясь в окно. Бабушка накрывала стол, дети уселись за стулья, и я села с ними. В этой суматохе никто не обратил на меня внимание.

– Отец, может, ты все-таки поедешь с нами? – сказал мужчина, который скидывал нам игрушки.

Дедушка взглянул на него очень сурово, я даже немного испугалась, но продолжила есть мамалыгу. Все уже сидели за столом, как дедушка взглянул на меня и спросил:

- А ты кто такая, девочка?
- Я не девочка, я Майя, – ответила я.
- Откуда ты пришла? – спросила женщина, которая складывала чемодан.
- Оттуда, – показала я в сторону улицы.
- Ну ладно, пусть покушает, а потом поговорим, – строго произнес дедушка.

Пока я жадно поела горячую мамалыгу с фасолью, заедая соленьями, в семье происходил переворот. Мы с детьми делали вид, что ничего не слышим, но не слышать было просто невозможно. Молодая семья покидала Сухуми, а старики не хотели бежать. Дед пытался доказать, что он прошел слишком много, чтобы бояться каких-то мальчишек, которые сами не знают, чего хотят. Его пытались переубедить сын и невестка, а жена просто вздыхала, теребя платок на голове.

– Мы тоже уезжаем, – вдруг влезла я. Я всегда чувствовала себя свободно со взрослыми, в этом было влияние моего дедушки, который с самых первых дней водил меня по всему Сухуми, знакомя со своими друзьями. Я как-то быстро привыкла разговаривать со взрослыми на их совершенно взрослом языке.

– Да ты что, и куда вы едете? – спросила меня женщина. Она не могла скрыть счастья, что, наконец, это напряжение спадет.

- К тете, в деревню, – ответила я.
- А кто едет? – вдруг подхватил мужчина.

– Я еду, мама, дедушка и бабушка, а папа остается тут работать, – ответила я, пережевывая очередной кусок мамалыги с лобио.

– Как чудесно! Видишь, отец, они всей семьей уезжают, – заметил мужчина.

Дедушка ничего не ответил, лишь недовольно отвернул взгляд.

– Но я бы тоже не хотела уезжать, – вдруг вставила я, и все посмотрели с удивлением на меня, даже дедушка, который смотрел так пристально в окно.

– Ты еще маленькая и не понимаешь, что идет война, – утвердил мужчина, и все согласились, улыбнувшись. А бабушка погладила меня по головке с таким теплым чувством.

– Мой дедушка говорит, что если кто-то скажет мне: «Ты еще маленькая, и не понимаешь», – то значит, ты сказала что-то умное, а они просто не хотят это слушать, – высказала я.

– Ну ничего себе! – уже и дети удивленно смотрели на меня.

– Сколько тебе лет? – спросил дедушка.

– Мне три года, но через три месяца мне уже будет четыре годика, потому что я родилась 1 декабря, – с гордостью произнесла я.

– Как ты хорошо говоришь для трех лет – сказала женщина.

– Это потому что со мной всегда говорит дедушка, как со взрослой, – ответила я, вновь жадно набросившись на мамалыгу.

– И почему ты не хотела бы уезжать? – спросил меня строгий дедушка.

– Потому что мы забираем все вещи, как и вы. А зачем забирать все вещи, если хочешь вернуться? Значит, мы больше не вернемся. Это грустно, – сказала я и опустила голову.

– Кочах («молодец»)! Три года, а ребенок умнее вас, остолопы. Идем, маленькая, бери вино, – сказал мне дедушка и схватил бокал вина. Он попросил бабушку разбавить мне вино с водой, чтобы я могла с ним поднять бокал.

– За Сухуми, дорогая! – поднял он бокал, я держала в руках маленькую рюмку с вином, бабушка смотрела на меня и отрицательно кивала головой.

– Не пей, дочка. Чужой ребенок, Роланд, как так можно? – произнесла она.

Дедушка что-то хотел ответить, но вдруг послышались крики: «Майя, Майя». Кто-то меня кричал.

– Это тебя кричат? – спросила женщина.

– Нет, это, наверное, другую Майю, – обманула я, ведь не хотела уходить, не доев мамалыгу.

Женщина встала к окну и, увидев мою маму, крикнула, что я сижу у них в доме, чтобы она поднималась вверх. Мама поднялась, взяла меня на руки и долго извинялась. Оказалось, что они уже полчаса меня ищут по всему Сухуми, а я сижу на соседней улице и спокойно обедаю.

– Больше так не пугай родителей, – сказал мужчина.

– Ваша дочка нигде не потеряется, – добавил дедушка Роланд.

Мы с мамой спустились вниз, меня, конечно, хорошенько отругали. А я все думала про дедушку Роланда и вино, которое так и не смогла попробовать.

Утром мы отправились на вокзал, погрузив все вещи в двух машинах. Нас встретил на вокзале дядя Гиви – это родной брат моей мамы. Я очень любила дядю Гиви, потому что могла его эксплуатировать в своих целях. Прежде чем погрузиться в поезд, я уговорила его купить мне чуть ли не все сладости, которые продавались в привокзальном киоске. В сентябре 92 года в городе еще не было сильных боев, конечно, слышны были выстрелы, но не было того ужаса, с которым пришлось столкнуться ровно год спустя. Мы сели в поезд, который был переполнен людьми, там было так жарко, что холодная вода из морозилки быстро превратилась в теплую. Я, мама, бабушка и дедушка добрались на поезде до Тбилиси. В моей памяти эта поездка так и останется самым загадочным событием в моей жизни.

Никогда не понимала фразу «обрывки памяти», пока сама не столкнулась с тем, что память моя настолько избирательна и обрывиста, словно старая киноплёнка фильмов Чарли Чаплина, которая давно потерялась и перестала показывать немаловажные события. От Тбилиси на маршрутке мы добрались до Мартвили, где нас встретил на машине дядя Муртаз. Муж моей тети был очень спокойным, но веселым мужчиной. Он сажал меня на шею и катал верхом, будто я на самолете. В машине с ним сидел мой гадкий двоюродный брат Зурико. Я его считала очень гадким, потому что он всегда хотел меня разозлить, он издевался и смеялся надо мной, а я бежала и жаловалась тете Дареджан. Помню, что не прошло и три дня с того момента, как мы приехали, а моя тетя, которую я всегда называла Дареджан мамида, решила искупать нас всех троих в бане. Большая печь с краном, которая подогревалась от дров, мы сидели в большой пластмассовой ванной, я и Зурико, а его родная сестра Софико помогала нас мыть. Ей было 14 лет, а Зурико 10 лет. Пока тетя поливала нас горячей водой из ковша, Зурико говорил, что теперь я на всю жизнь останусь в деревне, что у меня больше нет дома, что я больше никогда не увижу свои игрушки. Он говорил, что в моем доме живут абхазы и играют в мои игрушки. Я очень сильно расстроилась, гольшом выскочила из бани и бросилась в дом, лишь успев прихватить полотенце. Когда за мной ринулись тетя и ее отпрыски, то обнаружили меня на коленях у креста, который висел на стене. Сейчас я никогда не вспомню этот момент, после этого случая я сильно заболела и забыла о нем. Но он был столько раз пересказан, что моя память воссоздала этот образ со слов очевидцев. Я молила господу о том, чтобы эта проклятая война закончилась.

«Пусть умрет Ардзинба, – говорила я, – пусть абхазы не будут жить в моем доме и играть в мои игрушки». Я плакала, а взрослые стояли и смеялись.

Мама вернулась в Сухуми через неделю. Я помню этот день, мы все встали утром. Никто не говорил мне, что мама уезжает, а я остаюсь. Но я чувствовала, и происходящее вокруг вызывало у меня подозрения. Меня отправили в дом к дедушке, который находился в глубине деревни. Я отправилась рано утром туда с Софико под предлогом отнести дедушке вино. Я знала всегда, что тетя не любит, когда дедушка много пьет, а тут вдруг она сама и с утра отдала ему бутылку вина. Мне сразу это не понравилось, но я все же отправилась к дедушке. Дедушка Корнелий сидел на стуле, широко расставив ноги, облокотившись левой рукой на колено. На лысой голове у него был платок, оттого что он много потел, его платок в мгновение становился мокрым, он его выжимал и вновь покрывал голову.

– О, моя умная девочка пришла. А то эти тупицы ничего не понимают, – крикнул дедушка, увидев меня у калитки.

Мой дедушка – офицер, отставной лейтенант зенитно-ракетных войск, профессор философии Корнелий Александрович. У него было три образования, он очень любил рассказывать истории, читать философские трактаты, но также он никогда не подбирал слова. Он легко мог обидеть человека грубым словом, пусть сказанным точно и правдиво. Но именно эта черта, которая так не нравилась окружающим, просто сводила меня с ума и доводила до колик в животе от смеха. Он был абсолютно городским жителем, и ему, как никому, трудно приходилось в деревне. Ведь он родился и вырос в Сухуми, для него этот город, море, пальмы и акации были будто живительный эликсир умирающему. А в деревне ему приходилось говорить о таких темах с людьми, которые никогда его не понимали и даже не слушали порой. Они просто приходили, чтобы выпить с ним за компанию. Так мой дедушка стал больше пить в деревне, совершенно не следя за своим здоровьем. То ли этот случай, то ли тоска по прошлому, но спустя три года, через год после ухода бабушки, мир покинет дедушка. Я уже буду в этот момент находиться далеко в России и никогда не увижу его больше.

В день, когда я буду прощаться с дедушкой, он будет еле сдерживать слезы и просить увезти меня отсюда, потому что, когда я только родилась, он сказал, что я буду учиться в России и только там. Был ли мой дедушка предсказателем или его мечты так жестоко сбылись,

но я правда оказалась в России. А мой дедушка на похоронах бабушки просил папу, чтобы он привез меня хотя бы один раз посмотреть, потому что скоро и сам покинет этот мир. Никто не обратил на это внимание, но через год его не стало. Он умер во сне, никого не было рядом. Уснул 6 января, выпив перед сочельником стакан вина, а утром не проснулся. На столе у него было незаконченное письмо для нас, в котором он опять просил меня привезти, чтобы увидеться.

Я поднесла дедушке бутылку вина, он посмотрел на ее цвет и глубоко вздохнул.

– Опять разбавили, – произнес недовольно дедушка, смотря на Софику.

Я бросилась ему на руки с криками, что я не виновата. Он меня крепко обнял. Бабушка убиралась в доме, Софику пошла к ней.

– Где твоя мама? Не уехала еще? – спросил дедушка меня.

Я взглянула на него, взгляд мой был переполнен ужаса и отчаяния. Дедушка понял, что я ничего не знаю.

– Да, она сегодня уезжает, но скоро вернется. Ты же взрослая девочка уже, понимаешь, что она должна быть сейчас с папой. А потом они приедут вдвоем, – объяснил мне дедушка.

Я ничего не понимала и не хотела понимать, просто вырвалась от дедушки и бросилась по дороге до дома тети. Я бежала, спотыкалась, падала, но опять бежала. Я не плакала, но была переполнена обидой, что мама меня бросает, мне хотелось посмотреть на нее. Маму я так и не застала, дома ее не было. Я бросилась в угол и забила там. Прошел день, второй, прошла неделя, месяц, прошла зима, Новый год, Рождество. Я не помню ни один день из своей жизни с тетей. Не помню моменты с бабушкой Норой, которая была очень добра ко мне. Не помню ничего, все будто в тумане.

Память оборвалась в тот день, когда мама уехала, и вернулась ко мне, только когда она вернулась за мной. Это был март месяц, я стояла, укутанная в пуховый платок, ведь было еще достаточно прохладно. Подъехала машина, и вышли мама с папой. Они стояли у калитки, а я пряталась за тетей.

– Майя, иди ко мне, ты что, не узнала маму? – крикнула моя мама.

А я не шевелилась с места, я сделала вид, что не узнала ее, хотя я сразу узнала, она еще не успела выйти. Но я была обижена, что она оставила меня на 6 месяцев. Я постояла еще минуту, а потом бросилась к папе на руки. Прошел час, и только когда я уже сама очень сильно захотела обнять маму, то подошла к ней и уже не отпускала. Они забрали меня с собой, мы вернулись в Сухуми. Но вернулась я совершенно в другой город. Он не был похож на тот, который я покидала больше полугода назад. Впервые я испугалась, испугалась города. Пустынные улицы, очень мало людей на улице, еще меньше во дворах. Я не застала свою Лауру. Дедушки Роланда, к которому я все пыталась вырваться после возвращения, тоже не оказалось дома.

Я уговорила маму отправиться к тем соседям, у которых я кушала, но их не было дома. Женщина во дворе сказала маме, что в магазин попал снаряд, там был Роланд, и потом бабушку забрал сын.

– Они уехали с сыном, – сказала мне мама, думавшая, что я не понимаю по-русски. А я уже хорошо понимала. За 6 месяцев мой дедушка научил меня говорить на русском, еще бы время – и я научилась бы читать и писать.

– Дедушка никогда не бросил бы Сухуми, – сказала я маме и добавила, – пошли домой.

Мы вернулись домой. Я помню артобстрел – эти звуки я никогда не забуду. Пройдет два года, как мы покинем Сухуми, я буду уже находиться в городе Саратов, отмечать день рождения своих соседей, которые решили закончить вечер красивыми фейерверками. Этот звук фейерверков привел меня в ужас, что я за три секунды спустилась с пятого этажа на первый, бросилась под кровать и кричала:

– Мама, прячься, опять война.

Я еще долго не могла понять, почему на Новый год люди так любят стрелять эти фейерверки. Этот звук до сих пор вызывает у меня непонятные мурашки, мне хочется вновь зарыться в угол и закрыть глаза.

Обстрел происходил с промежутками в три минуты. За это время мы успевали добежать до безопасного места, спрятаться и в следующие три минуты бежать еще. И так до бомбоубежища, которое находилось рядом с хлебозаводом. В бомбоубежище было темно, едва различимы лица людей.

Там стояла вода до щиколотки, холодная вода, которая не позволяла никому сесть или лечь. Все стояли, а самые высокие могли присесть на корточки. Минуты казались вечностью, все считали секунды между обстрелами. В дверях была маленькая щелка, в которую я смотрела, а мама то и дело звала меня к себе. Обстрелы были слышны, но дыма и тумана не было, значит, стреляли на другой стороне города. Я увидела, как бежал человек в нашу сторону.

– Мама, там человек бежит, – крикнула я. И те, кто поняли грузинский, одернулись и стали шептаться. Все испугались, что это могут быть военные, которые возьмут нас в плен или расстреляют на месте. Я уже понимала, что такое может со мной случиться. Я вообще уже многое понимала, хотя никто мне ничего не говорил.

Кто-то посмотрел в щелку и узнали начальника завода. Я не знала, кто был этот человек, как его звали, но он был очень уважаемый, потому что ему сразу открыли дверь и впустили. Все с ним поздоровались, а потом ему стало плохо. Он долго тербил в руках бумажный сверток, так и упал со свертком в руках. У него остановилось сердце, так и умер там. После в свертке бумаги прочли сообщение, что его 14-летнюю дочь взяли в заложники. Мужчины решили, что его надо вытащить на улицу, потому что неизвестно, сколько нам еще придется тут сидеть. Соседний парень, он был абхаз, вытащил его и прикрыл дощечкой.

– Мама, а Малхаз же абхаз? – спросила я тихо маму, чтобы никто не понял.

– Да, Майя, – ответила мама.

– Но он же может нас убить? – удивилась я.

– Нет, он не убьет нас. Он хороший абхаз, – сказала мама.

– А те плохие абхазы? – удивилась я.

– Да, те плохие, – ответила тихо мама, она, кажется, даже и не слушала меня, просто повторяла за мной.

– Мама, а грузины есть плохие? – спросила я и увидела, как взрослая женщина посмотрела в нашу сторону. Не успела моя мама что-то ответить, как она сказала:

– Грузины тоже есть плохие, очень плохие. Везде есть плохие и хорошие, эти люди, которые там убивают – они плохие, потому что глупые.

Я смотрела на нее и не понимала, что она мне хочет сказать. Я еще долго не могла понять, мне никто не говорил: вот абхазы – они плохие, они наши враги. Никто и никогда не говорил мне этого, но почему-то мой детский ум вывел формулу, что во всем виноват Ардзинба, которого я, скорей всего, часто видела по телевизору. Его мелькающий образ дал полное право обвинять во всем и считать его кончину спасением всех жителей города.

В сентябре, когда город был окончательно взят абхазской стороной, мы решили покинуть Сухуми. Бабушка Этери, это моя вторая бабушка, мама и я отправились до Огудзеры. Там стоял корабль, который привозил гуманитарную помощь для людей: мешки с мукой, подсолнечное масло, консервы и крупу. Благодаря моему дяде Гиви, который имел очень много друзей в Сухуми, нас погрузили в грузовые машины, довели до Огудзеры, а потом без очереди погрузили в грузовой корабль. На этом корабле мы должны были отправиться до Поты, а оттуда уже в деревню к тете. Папа с нами не поехал в тот день по неизвестным до сих пор никому причинам. Он почему-то до самого конца думал, что это еще не конец. Думал, Сухуми вернется в мирное существование, но горящие дома были красноречивее любых надежд.

Мы сели в корабль и только успели отплыть от берега, как по радиации капитану сообщили, что только два корабля могут отплыть, а наш третий должен остаться тут. Тысяча человек, которых хотели взять в заложники, могли оказаться на краю смерти, а мы с мамой и бабушкой вместе с ними. Пулеметчик, который был на нашем корабле, сообщил, что у него только один снаряд, и они не смогут дать отпор. Тогда по радиации дали второе предупреждение, что если мы не вернемся, то начнется обстрел.

И правда, начался обстрел: неизвестно, каким образом, почему капитан корабля не струсил, как в его сердце не щелкнуло ничего, когда мы лежали все, прижавшиеся друг к другу накрытые мешками с мукой, трясущиеся от страха. Бабушка, которая плакала, мама, прижимавшая меня к своей груди, и я слышала ее сумасшедший стук сердца, и я, не понимавшая, что же сейчас происходит. Нас было тысячи таких же бедных душ, пытающихся спастись от жестокости войны.

Капитан совершил подвиг, о котором, наверное, еще долго я буду помнить. Он не сдался, не повернул, а, наоборот, вдоль берега под обстрелы умудрился доплыть до берегов Очамчиры, а уже оттуда мы доплыли и до Поти. Люди обнимали друг друга, целовали, какая-то женщина схватила и жадно стала всасываться в мою щеку. Я долго пыталась оттереть ее слюни от своей щеки, по-детски не понимая, какую эйфорию она сейчас испытывает.

Мы приплыли в Поти, доехали до Мартвили, встретились с дедушкой и бабушкой, а через месяц мы уже отправились в Тбилиси и оттуда на поезде до Саратова. Мы уехали 23 сентября 1993 года, а папа и дядя Гиви через пару дней по берегу моря, через трупы соотечественников, прячась в траве и лесах, все же смогли выбраться из Сухуми, оставляя надежду хоть когда-либо вернуться обратно.

В России начались сложные моменты, которые уже точно никогда не забыть. Думаю, у каждого были эти моменты тяжелых 90-х годов, сменившиеся непонятными нулевыми, а после хоть какая-то, но стабильность. Когда я была маленькая, для меня вся Россия была в моем городе, весь город был для меня огромным материком. Вся Россия заключалась в моей улице, в моем дворе, где каждое утро кричала колоритная женщина во весь голос: «Молоко». И ты бежишь с бидоном за парным молоком. К обеду мужичок на маленьком грузовике мороженое везет, и просишь тебе его купить.

Изо всех открытых окон доносился запах гастрономического рая от приготовленных блюд. И ты бежишь, сломя голову, домой, когда зовут тебя из окон: «Идем кушать». И стремительно быстро запихиваешь, заваливаешь еще горячий борщ, боясь пропустить что-то интересное. И выбегаешь, не проглотив непрожеванный кусок хлеба. Где поход в магазин – целый ритуал по сбору друзей, и вы все вместе бежите в гастроном, покупая горячую булку хлеба, а на сдачу от 5 рублей пломбир по 30 копеек или за 5 копеек жвачку «Турбо». Это улица в три дома, дворик и песок, где стоят ворота, где вечерами мы играем в футбол.

День рождения дома, этот ужасный масляный торт, вкус которого очень сложно повторить сейчас. Чья-то старая машина и, конечно, злая тетка из дома, что ругает, если мы смеемся громко. Дед с последнего этажа, у которого всегда найдется байка к вечеру, когда все устали и просто сидят на лавочках у подъезда, сменяя на посту бабушек с утра. Улица, где нет зависти и злости, где весь мир – огромный континент. И если кого не станет, собирая деньги всем двором, провожали вместе. Где подрался, а через минуту вновь дружишь. И мизинцем все проблемы решаешь. Шалаш – лучший дом. Картошка на углях – деликатес. Этот город, где были мечты, целый город детства.

И вот когда я задумываюсь, что мне еще очень повезло оказаться в России в возрасте 5 лет и строить свое детство тут, а ведь многие безвозвратно потеряли детство и больше никогда не вернуться. Тут родился мой брат, которому повезло еще больше моего, его память – это непрерывные воспоминания одного места.

Мы часто задаемся вопросом, а что если? Что было бы, если бы не было войны. Столько сослагательного наклонения в одном вопросе – и множество вариантов. Но я не могу вам дать ответ, что было бы, кроме одного – мы бы точно были чуть счастливее и добрее. Прошло очень много лет, чтобы я поняла: в этой войне никто не виноват, кроме глупости и злости людей.

Я рассказала вам свою историю для того, чтобы вы понимали, почему Сухуми останется в моей жизни до самой смерти, как маленький архипелаг моего неоконченного детства. Я не выросла в том Сухуми, я пропустила юность и отрочество. Для меня Сухуми всегда останется таким, каким я его запомнила: сказочно-волшебным вначале, и пылающим от жестокости в конце.

Поэтому от потери собственных воспоминаний я собирала воспоминания по кусочкам от людей, которые прожили там детство, юность, первый поцелуй, первую любовь, первое предательство, разочарование и потерю.

И когда я все это собирала, то поняла одно: как же сложно оставаться добрым ко всем без исключения. Как же, оказывается, сложно бывает людям действительно простить и быть добрыми к другим, к тем, кто не такой, как ты. А когда я ловлю себя на мысли, что каким-то образом я не добра к кому-то, то мысленно возвращаюсь к истории одной старой женщины, у которой во время войны фашисты убили всех детей, а она после войны каждую неделю приходила на немецкое кладбище и ухаживала за могилами врагов. Все ее считали сумасшедшей, пока не спросили однажды, почему она это делает. «Я знаю, что где-то есть мать, которая не знает, где ее сын, и не может ухаживать за могилой. Поэтому это делаю я». В этом и есть истинная доброта и милосердие. В этом и есть прощение!

С уважением,

Майя Сохумели!

ЭМИГРАНТСКИЙ СОН

«Амра» – островок свободы и любви

К вечеру я проснулся от ужасного звука стиральной машины, которая совершала пируэты по кухне. Взглянул на стену – у нас там висели часы, по форме напоминающие ручные часы Гулливера.

– Половина восьмого, мою душу, опаздываю, как всегда, – вскрикнул я и бросился на кухню. Я пытался перекричать машинку, чтобы высказать все претензии маме, не разбудившей меня к семи вечера. Но все попытки выразить негодование не увенчались успехом – моя мама, лишь недоумевая, смотрела на меня. Я схватил со стола чкиди с кусочком сулугуни (груз. «мчади» – кукурузная лепешка) и бросился к выходу. Я мчался к товарищам, которые, скорей всего, уже вовсю сидели и обсуждали новости. Днем мы играли в футбол, а потом разошлись на пару часов поспать, чтобы с новыми силами посидеть у набережной. Я так и думал, на «Брехаловке» уже собрался народ – Манучар, Чуня, Гига и Витек.

– Чанту, опаздываешь, – посмеялся Манучар.

– Как обычно, – добавил Витек, смотревший в сторону группы девушек, которые так любопытно рассматривали картины местных художников.

– Привет, Миша, – потянулся ко мне Витек, мы с ним встретились сегодня впервые, он с нами не играл в футбол, а еще он единственный, кто называл меня по имени, а не по сокращению от фамилии. Наверное, это потому что Витек русский парень, сын учительницы русского языка и литературы, поэтому для него не совсем понятно то, как мы тут друг друга называем. Мне было 8 лет, когда я на море познакомился с Манучаром и Чуней, а Гига мой двоюродный брат.

– Как тебя зовут? – спросил меня Чуня.

– Михаил Чантурия, – гордо ответил я, отец с детства учил представляться по фамилии. – Чанту, – засмеялся Манучар, и все подхватили за ним, даже Гига, который был со мной.

– А тебя как? – смеясь, спросил Чуня у Гиги.

– Гига, – чуть неловко ответил мой брат.

– Тоже Чантурия? – засмеялся Манучар.

– Да, – покраснел Гига.

Все стали смеяться, даже Гига, немного смущенный, через минуту сошелся с нами в смехе.

– Нет, двух Чанту нам не надо, ты будешь просто Гига, – заявил Манучар и протянул нам руку. Прежде он стоял немного вдалеке, а потом продвинулся чуть ближе.

Это Манучар прозвал Дамея Чуней за то, что не успевал наступить июнь, как, едва коснувшись тела Дамея, обжигающее солнце превращало его в уголек. Он был черный, как маленький негренок, да еще к тому же и кудрявый.

Сiju и глазею по сторонам, вся тусовка на месте: вечером на «Брехаловке» всегда полно людей. Как любит говорить мой дедушка: «Поспешим на „Брехаловку“ – там сейчас президента назначать будут». И вправду, за чашкой кофе тут решались дела мирового масштаба. С утра до самого вечера народ приходит обменяться новостями, поиграть в нарды, домино и шахматы. Все это сопровождается изумительным ароматом черного кофе, сваренного в турке на песке. Ох, этот запах черного кофе «У Акопа». Кто не знает Акопа, тот не может быть настоящим сухумчанином. Акоп Баян – легенда Сухуми, точно такая же, как и Марадона. Ничего

нет лучше, чем правильно сваренный кофе. Как-то раз я пришел очень рано на «Брехаловку» и разговорился с Акопом. Он тогда и преподал мне урок «вкусного кофе»:

– Оставь, слушай, Акоп, ты меня учить будешь, – посмеялся я.

– Кофе тогда хорош, когда правильно прожаришь зерна, промолоть до нужной консистенции – это не должно быть слишком рассыпчато, понимаешь? Но главный секрет – правильно сварить кофе: именно сварить, а не переварить. Нужно выдержать: как юный бутон розы стоит срывать, пока он молод, так и кофе нужно снимать, как только он дошел до своего пика, – очень философски и запутанно говорил Акоп.

Акоп успевал погружать турки в горячий песок и при этом всегда помнил конкретного хозяина для каждого, успевая в кратчайший срок дать ожидающему свою порцию кофеина топовые новости. На моей памяти не было ни одного случая, чтобы Акоп ошибся, или переварил, или недоварил. Манучар мог выпить за вечер 6 чашек кофе – как его сердце только выдерживало? И едва он подходил за новой чашкой, как Акоп уже подавал ему кофе с двумя ложками сладкого. В такие моменты Манучар светился от счастья, мне кажется, стараниями Акопа он ощущал себя тем единственным, которого помнит наш изумительный бариста.

Очарование сухумских кофеен было не только в аромате кофе, но еще и в шуме моря, меняющем тихий штиль на звучные прибои. Кофе надо пить не спеша, пройдя весь круг церемониала. Вначале надо вдохнуть свежего морского воздуха и посмотреть на море: не изменилось ли оно в размерах, цвете или еще каких параметрах?

«Брехаловка», безусловно, была нашим любимым местом, но, помимо этого, местами нашей дислокации можно назвать «Пингвин», «Кафе у Оника», на причале в «Апре» любит бывать Чуня и постоянно нас туда зовет. А я люблю бывать на «Амре», ведь там много лет назад мои родители познакомились. У каждого места была своя особая атмосфера и душа, которая имела некий свой смысл для местных обывателей.

«Амра» всегда полна людьми, там не только местные, но и много залетных птичек, которые, как мне кажется, очень часто делали счастливым не только меня. Особенно удивительны прилетевшие из Очамчиры или Гагры, они заметны сразу. Один раз у нас среди своих вышел спор, не помню уже, про что был разговор, но Чуня доказывал свою правду – абхазскую, а Гига, как всегда, пытался отстоять грузинскую.

Я вообще никогда не влезал, потому что мне было дико смешно. Но народу собралось вокруг достаточно, спор разгорелся нешуточный, короче, разошлись на том, что Чуня и Гига обиделись друг на друга. Но не прошло и получаса, как Гига вновь сцепился с кем-то, но это уже был грузин из Очамчиры. Кстати, в тот день их было очень много, они-то Гигу стали прессовать. О, мой Бог, Чуню я таким злым никогда не видел, как в тот день, он просто влетел, как Марадона в ворота, в толпу очамчирцев и разнес всех там за Гигу, ну и мы, конечно, подтянулись.

– Чуня, а ты-то куда? – спросил насмешливо Манучар после того, как мы их хорошо отделали.

– А что он наших бьет? – недовольно ответил Чуня.

– наших? – вместе Манучаром произнесли мы и засмеялись.

– Да, наших, сухумчан никто не имеет права прессовать, ясно? – обиделся Чуня.

– Прости, Чуня, – вдруг подошел Гига и обнял его.

Я улыбнулся, и мне стало так приятно, только сам не понимал, отчего мне так приятно. После я понял, что Сухуми для нас был отдельным островом, который не относил себя ни к одному городу, ни к одной стране, ни к одной нации. И вот этот остров населяли сухумчане.

Брызги волн, шум моря и палящее солнце на «Амре», едва защищенной железными козырьками. Я всегда пытался понять, почему это место я любил больше всех других. Да просто

это был мой отдельный островок на огромном архипелаге. Я связывал с ним не только встречу своих родителей, но и свою личную тайну о первой любви. Я сидел с чашкой кофе, когда мимо меня прошелся шлейф цветочных духов, обернувшись, я встретился взглядом с ней. Она была невероятно красивой и цветущей, приехавшая на пару месяцев озарить прелестный край. Кристина жила в Сухуми у бабушки, которая по собственному желанию решила остаться тут, а не переезжать к дочери в Москву. Мама Кристины была сухумчанка, а отец москвич, да к тому же партийный работник. Мы считали партийных работников отдельным видом человеческой расы, которая, по нашему мнению, не заслуживала уважения.

Каждое утро до трех часов дня я приглашал ее в «Амру», да так угадывал, чтобы никто не знал из моих. Стыдливость юношеского сердца присуща каждому, кто пытается скрыться за маской мужественности, не понимая, что любовь к женщине и есть проявление мужественности. Это я пойму после, а пока мне было очень неудобно, поэтому я всеми силами старался, чтобы никто об этом не узнал. После утреннего кофе и пирожного «Шу» мы гуляли вдоль набережной, слушали море и делились мечтами. После она уходила домой в сторону Маяка, а я бежал к ребятам.

В один из таких дней Манучар поделился с нами, что к его соседке Лали внучка из Москвы приехала, невероятная красавица, и что недели не пройдет, как она в него влюбится и бегать за ним будет. Он говорил так, что по моему телу пробегали тысячи токов одновременно, но я молчал. Молчал, когда он привел Кристину к нам в компанию познакомиться, а я сделал вид, будто впервые ее вижу. Я промолчал, даже когда она смотрела на меня непонимающим взглядом. Молчал до тех пор, пока Манучар не сказал, что на диком пляже вечером они встречаются. И тут меня будто облили холодной водой, я бежал, сбивая своими вьетнамками все камни по дороге, бился пальцами об асфальт, но бежал.

– Ты не должна к нему идти, – выдыхая горячий воздух, говорил я Кристине, стоя у ее дома.

– Тогда ты всем скажешь, – не договорила Кристина.

– Что скажу? – глубоко вдыхая, спросил я.

– Все скажешь и всем, – сказала она.

– Но...

– Если не скажешь, то я пойду, – развернувшись, Кристина ушла.

Ее слова очень подействовали на меня, и я решительно был готов пойти и все рассказать Ману и ребятам, но, только подойдя к ним, увидел счастливого Ману, который стоял с букетом гортензий.

– Чанту, смотри, Ману какой важный поймал, – улыбался Чуня, поправляя у Манучара воротник льняной рубашки. Я впервые видел его таким красивым и опрятным.

– Ну ты и исполнил, васса, – отшутился Манучар.

Я смотрел и не понимал, почему на его лице нет ни капли стыдливости, ни капли смущения от того, что он влюблен в девушку.

– Ты влюбился? – неожиданно спросил я Манучара, сильно приблизившись к нему.

– Ора! – от неожиданности воскликнул Чуня.

– Да, – твердо ответил Ману и очень странно на меня посмотрел.

– Вааа, клянусь маханей, ты красавец, – резюмировал Чуня.

Оставалось пару часов до его встречи с Кристиной, мы сидели «у Акопа» и пили свой очередной кофе. Манучар попросил меня к определенному времени принести конфеты и фрукты. Я противился, что Чуня может это сделать, но Ману настаивал, чтобы это был я. Поэтому пришлось согласиться, дабы не компрометировать себя. К вечеру я стоял и выжидал, пока Ману подаст знак. Я был очень далеко и видел только их очертания. Ману должен был встать и потянуть руки кверху, чтобы я заметил и подошел к влюбленной парочке.

– Чанту! – воскликнул Манучар, а Кристина удивленно посмотрела на меня.

– Вот ваши фрукты, – немного сухо произнес я.

– Это уже ваши фрукты, – ответил Ману.

Я непонимающе смотрел на Манучара, а он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Я тебе что, архаровец какой-то, что у близкого любимую забирать буду? – сказал Ману. – Давайте тут не балуйтесь только, – добавил он.

– Ману, – хотел я что-то сказать, но Манучар ударил меня по плечу и пошел в сторону дороги.

Я до сих пор не могу понять, как ему удалось все понять. Мы провели с Кристиной один вечер, а потом еще один. До ее отъезда друзья меня потеряли, а Манучар ничего не стал им рассказывать. В конце августа Кристина уехала, а к следующему лету уже началась война, и мы с ней так и не встретились больше в Сухуми. Этот город подарил мне не только сладость первой любви, но и лучших друзей, которые готовы были отказаться от своего счастья ради моего. После Чуня рассказал, что Манучар знал Кристину очень давно и постоянно говорил о ней. Разве я смогу где-то найти еще таких преданных друзей? Нет, наверное, уже никогда.

Пасха в Сухуми

Воскресное утро, бабушка ворвалась ко мне в комнату со словами: «Кристе Агсдга» («Христос Воскрес»). Она стояла над моей головой с крашеными яйцами в ожидании пасхального ритуала.

– Ауффф, беби, чуть позже он не мог воскреснуть, а? – полусонный, сказал я.

Как только я произнес это, бабушка вlepила мне хорошую оплеуху, которая пробудила меня ото всех сонных грез. В нашей семье главной была бабушка, поэтому на всей советской земле в нашем доме главенствовала христианская идеология, которую бабушка вложила в меня с самого рождения. Когда я родился, она тайно крестила меня, а после на каждый церковный праздник водила на службу, учила молитвам. Все до того момента, пока я не пошел в школу и не столкнулся с атеистичным взглядом не только нашего биолога, но и почти всего преподавательского состава.

Но даже несмотря на советскую власть, в Сухуми большинство все же отмечало Пасху. Это можно было заметить по настроению в городе, по тому, как все выбегали во двор с крашеными яйцами. В каждом доме был кулич, из каждого дома доносился запах жареного поросенка, которого принято резать на Пасху.

Куличи, кстати, достать было совершенно невозможно – в магазинах не продавали куличи, только один кекс «Весенний», который и был подобием Кулича. Поэтому все обращались к моей бабушке, которая пекла две ночи для соседей и нас. Все знали: у Циалы самые вкусные куличи с огромным количеством изюма и творога.

Мое утро началось очень рано, ни одно воскресенье не начиналось для меня в 8 утра, кроме пасхального. Но плохое утреннее настроение быстро сменялось на более задорное, стоило мне только выйти во двор и выиграть у ребят в битве на самое крепкое пасхальное яйцо.

У меня была своя хитрость, с ночи я оставлял яйцо в морозилке, успевал им выиграть у двух трех, пока яйцо не прогревалось на солнце, а после вновь бежал за другим, ожидавшимся меня в морозильной камере. Но был у нас во дворе один хитрец, так он умудрился выиграть всех, покрасив яйца цесарки. У цесарки очень крепкие яйца, поэтому все были повержены, даже я со своими холодными яйцами.

Яйца цесарки очень дорого стоили, каждый из мальчишек хотел их добыть. Некоторые даже умудрялись где-то купить декоративные деревянные яйца, но их сразу разоблачали, потому что деревянное яйцо отличалось по весу. Местные власти всеми способами пытались помешать людям отмечать Пасху, но у них ничего не получалось. В канун Пасхи по телевидению показывали лучшие заграничные фильмы, которые обычно считались запрещенными. На что только не пойдешь, лишь бы не пустить людей в церковь, но люди все равно шли. Кстати, шли не только бабушки со своими внуками, но и молодые женщины и мужчины.

В школах нам официально запрещали приносить на уроки крашеные яйца, но я точно знаю, что завтра в школу все придут с главным символом Пасхи и на переменах устроят чемпионат. Я не знаю, какой смысл запрета, когда все его нарушают. Директор школы все прекрасно понимала, потому что после нас весь школьный двор был в яичной скорлупе и яйцах, ведь никто их не ел – весь интерес был в том, чтобы удариться с противником. Два года подряд они стали переносить воскресные и рабочие дни: сделали пасхальное воскресенье рабочим за счет Первомая. Всех строго-настроено предупредили, что надо прийти, пересчитывать будут.

В тот день, помню, как меня также разбудила бабушка и говорила, что надо идти в школу, а у меня не было никакого желания. И я ей сказал, что мне приснился ангел, который за руку вел меня в церковь. Бабушка даже расплакалась и сразу же повела меня в церковь. Час про-

стоять на службе или 5 уроков мучиться в воскресенье? Да простит меня моя директриса, но все же я отдал душу религии и выходному.

Потом директор вызывал к себе, пришлось от родителей объяснительную записку принести. А мне никак нельзя было совершать ничего плохого, потому что у меня 9 класс и я выпускался из своей любимой школы.

Мой последний звонок был самым приятным воспоминанием последнего грандиозного мероприятия.

Я заканчивал 12 среднюю школу города Сухуми с надеждой больше никогда не возвращаться в стены этого концлагеря. Так я шутил, хотя учеба мне всегда давалась с трудом, а учителя меня называли хулиганом и будущим диссидентом. Возможно, они и были правы, но хулиганом я не стал, а диссидентом не успел. На протяжении всей учебы мы ждали этого дня, и когда он наступил, мы просто ликовали. Бабушка с утра отгладила мою накрахмаленную рубашку, а когда я одевался, она стояла в уголочке и плакала.

– Оставь, не трогай, негодник, – ударила она меня по рукам, когда я потянулся к клубнике. Она боялась, что я запачкаю белоснежный вид, над которым она так долго старалась.

– Бабушка, все напрасно, смотри, – протянул я три фломастера ярких цветов, показывая, что сегодня рубашка будет не просто испачкана, а полностью измазана.

Это была наша школьная традиция: на рубашках и фартуках красовались номера и фамилии, пожелания на будущее, воспоминания о прошедшей учебе. Мы прощались так, будто никогда больше друг друга не увидим, хотя все жили очень близко, и встречались каждый день. Но таков был ритуал, а обойти его было просто невозможно. В этот день все учителя любят учеников, и ученики отвечают им взаимностью, потому что больше никогда мы не встретимся в стенах школы. В конце концов, все собрались во дворе школы, кто-то из наших поднял на плечо первоклашку – и прозвенел последний звонок. Только директор закончила свою торжественную речь, как мы все бросились из школы, чтобы отметить этот день, в котором нам можно было все.

Первым делом сфотографировались на БРДМе абхазской гвардии, который вот уже как месяц стоял около нашей школы. Кто знал, что это будет первая абхазская бронетехника, которую в последующем подобьют. Затем мы пошли на набережную, дошли до аттракционов, как раз в то время открылся новый аттракцион. Какая-то центрифуга, внутри которой становился человек, и его раскачивало до головокружения. Катались на электромашинах, этот металлический прут, касавшийся потолка под напряжением тока, всегда мешал исполнить план и сталкиваться друг с другом.

Ну и, конечно, пошли в кафе на набережной, девочкам купили кофе с мороженым, а сами пили водку. Ох, какими взрослыми мы себя тогда ощущали, мне казалось, что вот после этого дня весь мир будет у меня на ладони. В тот день кафе были полны выпускниками из других школ, мы поздравляли друг друга. В какой-то момент кто-то предложил соединить столы, и нас становилось больше и больше. Мне кажется, на мгновение мы забыли, что нас ждут еще выпускные экзамены, которые могут еще много души вытащить из каждого. Но все это было потом, а сегодня мы вступили во взрослую жизнь, которая оказалась не такой сладкой, как мы хотели бы. На выпускном вечере наша директриса Евгеша в торжественной обстановке вручила аттестаты зрелости, и мы отправились к нашему однокласснику, у которого справляли выпускной.

Там собрались все наши учителя, наша классная Рашида Исхаковна, наш любимый учитель Харлампий Григорьевич Илиопуло. Он принес с собой киноаппарат, ведь мы забыли заказать видео, он снимал все на этот аппарат. Я никогда не видел эту пленку, наверное, сейчас я отдал бы полжизни, чтобы посмотреть эти кадры, а тогда мне просто было смешно, что он нас снимает. Мы гуляли до рассвета, пели, танцевали, даже курнули травку. Утром встретили

рассвет, правда, не так, как все в Сухуми на набережной, а на крыше дома. Пили за будущее, клялись в дружбе до гроба, поздравляли друг друга с вступлением в новую, взрослую жизнь и желали друг другу успехов на вступительных экзаменах. Я в тот момент любил весь мир, мне хотелось обнять каждого в своем городе Сухуми.

Вы никогда не пили, если у вас не болела голова три дня после застолья. У меня, наверное, болела неделю, потому что после выпускного вечером мы собрались на дне рождения Дато, нашего одноклассника, который жил в районе Багмарани. У Дато в тот день не было родителей дома, они уехали на дачу, поэтому вечером мы выпили все марочные коньяки в его доме. Не знаю, что ему сделал отец, который так тщательно и долго собирал коллекцию старого алкоголя. Но нам было все равно, потому что был вечер, мы были молоды и отмечали как в последний раз. Мы не знали и даже не догадывались, что спустя несколько месяцев мир разделит нас на десятилетия, поэтому это был наш последний и яркий отдых.

Домой я вернулся только на третий день, бабушка смотрела на меня как на прокаженного и велела быстро идти в баню, чтобы отмыться от всего ужаса, называя негодником. Я много раз слышал имя Варлам Авидзба, но в тот день, наверное, раз двести она произнесла его имя. Варлам – мой сосед, который, по мнению бабушки, был хорошим мальчиком, вернулся после выпускного сразу домой, даже 12 ночи не было, а сегодня уже за книжки сел, чтобы подготовиться к институту. Как же меня раздражал этот Варлам, но я не знал, что именно Варлам спасет жизнь мне и моей семье, и что он станет чуть ли не лучшим моим другом на долгие 30 лет. Но в то утро моего отходняка не было ни одного имени хуже, чем Варлам Авидзба.

Дядя Толик и эротические карты

Во время перестройки в Сухуми появились сотни спекулянтов, в основном это были поляки, которые отстраивали сгоревшую в 1986 году гостиницу «Абхазия». Они и торговали европейскими товарами, конечно, все было скрыто от глаз блюстителей порядка. Джинсы, кроссовки, электронные часы, жвачки «Дональдо», значки музыкальных групп – все это продавалось или самими покупателями, или же цыганами на сухумской набережной. Стоило зарубежное удовольствие больших денег, но так или иначе, товар находил своего покупателя. Вот там мы и приобрели эротические карты.

Я учился в 8 классе, когда мы с ребятами решили скинуться деньгами и купить у спекулянтов карты. Тогда для нас все было в диковинку, а голые женщины с пышными формами – так это вообще дикарство, которое не было постижимо мальчишкам восьмого класса. Нас было пятеро: Я, Адгур, Инал, Тимур и Армен. Карты стоили 5 рублей – бешеные деньги для нас, поэтому было решено, что каждый принесет по рублю. Условились встретиться рано утром, скинули вобщак деньги и пошли на серьезное дело. Смешно вспоминать, но тогда это казалось чем-то невероятным для нас.

Покупать карты пошел Инал, он был сыном местного прокурора, поэтому, если что, он находился в безопасности, он стоял напротив этого поляка. Все произошло так мгновенно, как в шпионском фильме «17 мгновений весны». После мы бросились к развалинам, чтобы никто не встретился из взрослых. Как оказалось, сложнее было выбрать, где хранить карты, чем купить их. Общим решением мы сошлись, что карты должны быть каждую ночь у одного из нас, а утром забирать с собой.

Помню, один из местных случайно увидел карты у меня. Ваню – близкий моего отца, это произошло, когда я купался в море. Он смотрел на нас и смеялся, а потом строго сказал: «Я заберу их ненадолго, потом верну». Мы думали, все пропало, а он не обманул. Карты через три дня вернулись к нам, слегка потрепанные. Как оказалось, Ваню просто сфотографировал карты, распечатал на 10 экземпляров, а местный художник их раскрасил. То, что у нас есть эти карты, прознала вся школа, поэтому прибегал каждый, кому не лень, просить посмотреть хоть один раз.

Армен решил, что мы должны брать по три копейки за просмотр одной карты. На переменках у нас выстраивалась очередь, которая привлекала внимание, поэтому мы прятались под лестницей и туда по одному пускали посмотреть на карту. Были такие, кто три дня не смотрел ни одну карту, чтобы накопить 9 копеек и разом посмотреть три, потому как часто одна и та же карта попадалась. В итоге мы быстро отыграли свои 5 рублей, да еще сверху по рублю каждому.

Так длилось очень долго, пока однажды наш директор не забрал эти карты, пригрозив вызвать родителей в школу. Никого он не вызвал, потому что карты пришлось бы вернуть или выбросить. И тогда мы решили выкрасть карты обратно: Тимур и Инал подрались, но к директору учительница литературы не хотела их вести – она была очень доброй. Я им говорил, что драться надо на уроке биологии – этот психопат сразу к президенту поведет, не то что к директору.

В итоге Инал исполнил так, что аж я прослезился. Он наплел Мариам Давидовне, что Тимур оскорбил абхазский народ, поэтому пришлось его ударить. На что Тимур сказал обратное, что это Инал назвал всех грузин баранами. Тут уже учительница не знала, что делать, потому что вопрос стоял серьезный, можно сказать, очень межнациональный, поэтому повела к директору. Но я потом понял, почему Инал выбрал урок литературы – это был третий урок, а в это время наш директор обедает, и его никогда нет в кабинете.

Пока она стояла с этими двумя у кабинета директора, по плану я должен был подбежать к Мариам Давидовне и кричать, что разбили стекло в кабинете, и кто-то порезался. Так и сде-

лали, она бежала со мной в кабинет литературы, совсем забыв о своих двух хулиганах. Тимур и Инал тем временем открыли дверь, ведь Адгур достал запасные ключи на вахте. На все было пятнадцать минут времени, операция была выполнена успешно. А мне за шутку поставили в дневник двойку за поведение, только, к сожалению, не в тот дневник.

У меня в школе было два дневника, один для пятерок и хороших оценок, а второй для двоек. Это все из-за учительницы по математике – у нее было дурацкое правило, что если не сделал домашнее задание, но подошел к ней и признался, то она ставила двойку, но только в дневник, а не в журнал. И вот такие двойки попадали в «левый» дневник. А тут я промахнулся с дневником, поэтому придется теперь возиться с хлоркой.

Мариам Давидовна писала чернильными ручками, поэтому надо было просто залить в чернильную ручку раствор хлорки и обвести двойку и подпись рядом с ней. Мне повезло, мой дневник был хорошего качества, дядя из Москвы прислал, там все бумаги были белоснежные. Потому что, если бы дневник был производства «Ингурского бумкомбината», то бумага была зеленоватой, и хлорка оставляла в ней белые места. В тот день на уроки мы не вернулись, а выбежали к набережной, чтобы стаканами холодного лимонада отметить наш успех.

По дороге нам встретилась младшая сестра Инала, она была в 7 классе, но считала себя очень взрослой, поэтому, увидев брата не на уроках, сразу же подошла к нему.

– А ты почему не на уроке? – строго, будто мама, спросила она Инала.

– Лана, а ты почему не на уроке? – удивился Инал.

– У нас учительница заболела, – ответила Лана.

– Вот и топай домой, – припугнул ее Инал.

– Я все маме расскажу, – вновь строго заявила Лана.

– Что ты расскажешь? – возмутился брат.

– Что у тебя карты с голыми женщинами, и ты на них деньги заработал, – заявила она, и мы все напряглись.

– Я тебя сейчас ударю, сиафантка, – пригрозил Инал, но Лана не уходила, а продолжала отчитывать Инала, а вместе с ним и нас. Мне стало немного неловко, Инал напрягался все сильнее, его лицо стало зеленым, и он бросился к ней. Тут выскочил Тимур и остановил Инала, а после повернулся к Лане.

– Уйди, пожалуйста, – очень тихо, даже ласково сказал он ей.

Было видно, как Лана смутилась и согласилась уйти, Инал долго не мог успокоиться, пока она совсем не скрылась за поворотом. Больше всего меня поразило Тимур, после я выпытывал у него, и тот признался, что ему нравится Лана, но он никогда не посмеет даже высказать это вслух, потому что она сестра Инала. А я возмущался, потому что сам Инал прекрасно провожает сестру Армена до дома и таскает ее портфель в школу. Но Тимур был парнем скромным, который никогда не решился бы, даже если сам Инал ему сказал, поэтому я оставил свое любопытство при себе и больше не поднимал эту тему.

История наших карт не так проста, как кажется, мы их добыли, но вот сохранить вновь не получилось. Дядя Толик – наш местный таксист, который первое время разъезжал на желтой «Волге ГАЗ-24», под вечер катал нас по городу, даже разрешал сесть за руль. Он был очень добрый, дядя Толик, но мы никогда не слышали его историю. Пока однажды Армен среди своих не услышал, как кто-то говорил про дядю Толика, что жена от него ушла после смерти их единственного сына. У мальчика болело сердце, которое не выдержало во время заплыва в море. Ребенок утонул, а жена от горя и оставила Толика, говорят, она вышла за местного абхаза, родила еще ребенка. А дядя Толик так и остался один, никого у него с тех пор из близких и не было. Поэтому, говорят, он вокруг себя мальчишек и собирал, чтобы как-то порадовать свое сердце. Когда это утешал, сразу все понял, ведь нам всем было столько же, сколько и его сыну.

Дядя Толик хоть и был таксист, но очень отличался. Ведь сухумский таксист если видел, что перед ним туристы, то пытался показать, какая он большая личность в городе, что он всех знает и возил даже этого. Только «этот» очень часто менялся, все зависело от возраста таксиста. Но Толик не был таким, он скромно довозил всех по одной таксе, даже помогал разгружать и загружать чемоданы. Мы услышали все это, да еще и узнали, что у Толика скоро день рождения, было решено – карты мы дарим Толику. Это решение пришло как-то сразу, не раздумывая и не совещаясь. Также мы захотели как-то порадовать Толика, поэтому рано утром кинулись к нему. Первое, что мы решили – это подстричь дядю Толика, потому что его шевелюра была гуще, чем у Марадоны. Парикмахерскую выбрал я – это было местечко на проспекте Мира, где волшебными движениями дядя Петя превращал каждого в звезду телеэкрана.

Когда я был совсем маленьким, он меня сажал в кресло, кладя на рукоятки деревяшку, и я тогда сидел высоко. Видимо сначала я брыкался, и он мне зубы заговаривал, рассказывая всякие истории про Сухуми. Дядя Петя был коренным сухумчанином, греком, таким колоритным дядей. Напротив парикмахерской был канцелярский магазин, где на обратном пути я любил кое-что прикупить.

Проходили годы, менялись прически, но я всегда ходил только к дяде Пете. Последний раз, кажется, я к нему попал перед выпускным, в конце июня. Потом были приемные экзамены, и мама не разрешала мне подстригаться. После поступления прошло три дня – и началась война.

Больше дядю Петю я не видел, видимо, он уехал вместе с остальными греками в Грецию. Но в тот день, когда мы к нему привели Толика, дядя Петя даже обрадовался, потому что он нашел себе собеседника. Нам казалось, что он его подстригает уже целую вечность, а они просто сидели и разговаривали про Сухуми, местных спекулянтов и политику с футболом зацепили.

Когда закончилась процессия, дядю Толика было не узнать, а дядя Петя отказался брать с меня денег, когда узнал, что у Толика день рождения. Мы двинулись к «Амра», там заказали небольшой торт и кофе, а Толик не понимал, что происходит, и тогда Адгур протянул ему карты в честь дня рождения. Толик был шокирован, а потом расплакался. Я первым кинулся его обнять, а за мной и ребята, потом он стал нас распахивать и просить свой законный торт, мы смеялись. Это, наверное, был самый теплый день на моей памяти, потом дни были сухие, темные, грустные и трагичные. Были, конечно, и счастливые, но вот теплый был только этот день. Карты дядя Толик, конечно, потерял, точнее, у него украли какие-то чангалисты, а мы ему говорили не оставлять машину открытой. А он же был добрый, такой добрый, что один из таких мальчишек, которых он, как нас, катал, его и убил во время войны, потому что Толик отказался его везти на налет. Местные таксисты похоронили Толика, потому что больше было некому. Но в тот день, в тот день Толик был самый счастливый, а мы вместе с ним.

Чанба – любовь моя

Вкус детства никогда не забывается, мой вкус – это лимонад. На улицах Сухуми стояли аппараты с газированной водой. Моешь стакан, кидаешь три копейки – и в стакан льется лимонад. Нет трех копеек – кидаешь копейку и наслаждаешься чистой газированной водой. А на день рождения я получал пепси, которое все лето выжидал, но только к сентябрю мне доставался этот заморский нектар. Кстати, прежде чем дать мне насладиться напитком, мой дед проводил целый урок просвещения. 30 лет назад советские и американские лидеры договорились построить заводы по производству пепси в СССР. Они также договорились и о бартере: литр водки «Столичная» на литр концентрата пепси.

Мой дед принимал участие в строительстве и наладке оборудования на сухумском заводе, поэтому не рассказать этого мне он не мог. Дед говорил, что стандарты строительства и производства были особо высоки, везде была идеальная чистота, персонал особо следил за качеством выпускаемой продукции, представители пепси всегда сопровождали груз с концентратом напитка, чтоб наши умельцы не узнали его содержание.

Став старше, когда ходили с ребятами на практику на завод, могли пить пепси литрами, так как плохо закупоренные бутылки браковались, и можно было пить, сколько хочешь. Персонал, как и везде, растаскивал все, что мог, и домой несли не бутылки с пепси, а сам концентрат, а там разбавляли. Думаю, американцы об этом и не догадывались. Пробками от пепси играли, причем пробки с надписью «Пепси» ценились дороже, помню, и ставки были в пепси-исчислении, мы в футбол играли на ящик пепси.

Бутылка пепси стоила 45 копеек, а пустую принимали за 10. У нас на Чанба под боком был магазин, там было хранилище – сотни пустых бутылок лежали под открытым небом. Мы таскали эти бутылки, сдавали 5 штук и получали одну полную. Мама мне долго не разрешала пить пепси, ведь что только не говорили про него. Что если в стакан с пепси кинуть зуб на ночь, то утром его не будет, что он съедает лезвие, если его туда кинуть.

Единственное, что подтвердилось: автомеханики мыли им руки – пепси отлично снимал грязь. Помню, я один раз купил аж две бутылки пепси и пришел во двор, мы с ребятами уехали на крышу гаража и наблюдали за девочками, которые отплясывали ламбаду. Они танцевали друг с другом, а с нами не хотели. Мы же были лишь сторонними наблюдателями, которым приходилось глотать слюни от того, как они мелодично вертели бедрами. В такой момент, мне кажется, у нас дух захватывало. Многие девочки серьезно подсели на эту песню, наша соседка Нино записала «Ламбаду» на кассету, полностью заполнив от начала и до конца. Нино непрерывно слушала «Ламбаду» – видимо, входила в транс.

Один раз кто-то принес в школу магнитофон и на перемене включил эту «Ламбаду»... Ох, что было тогда! Девочки, как заведенные, начинали плясать свою ламбаду в фартучках, а мы с ребятами стояли позади и забавлялись плевалками.

Это были собственноручно изготовленные плевательные трубочки: у каждого в школе была паста Big, такая прозрачная ручка, внутри которой был виден стержень. Писали они очень мягко и жирно, первое время было непривычно, потому что мы привыкли к пастам нашего родного завода «Оргтехника», который выпускал пасты с миллиметровой погрешностью шарика, что мешало им писать красиво. Еще этот завод выпускал фломастеры, и я помню, как наши школьники ходили на практику на этот завод и возвращались в краске по локоть, но с охапками фломастеров.

Так вот, наши плевалки и были производства Big, а боеприпасами для них служили в основном плоды какого-то дерева, которое росло по всему Сухуми, которые принимали нужную форму и размер как раз в сентябре. Мы обдирали эти деревья снизу доверху. Я был довольно высоким, поэтому мне удавалось доставать там, где никто другой дотянуться не

мог. Попадание такого снаряда могло вызывать и синяки. В другие времена года приходилось использовать пережеванную бумагу, что исключало болезненный исход. В трубочку от ручки погружалась в тот день бумага, потому что никого калечить мы не хотели, только посмеяться. Вот и плевались в толпу, которая окружила наших танцующих девочек. Нужно было глубоко вдохнуть, на выдохе пульнуть бумажный шарик, а после спрятать плевалку. И ты просто продолжал смотреть, как ни в чем не бывало. Мы сдерживались, чтобы не упасть от смеха, но моменты непонимания людей, которые хватались то за голову, то за шею, были невероятно смешными.

Я всю жизнь прожил у бабушки и дедушки. Ну как сказать жизнь? Я прожил короткий промежуток времени до войны – это была вся моя жизнь. Мои родители жили и работали в Москве, периодами приезжая в Сухуми. После войны я переехал к ним, но проведенное время на Чанба никогда не забудется мной. Каждое утро я просыпался, чтобы отправиться в свою любимую 14 школу, иногда пешком, иногда на «пятерке» Икарусе, который ходил с рынка на Беслетский мост. В Сухуми все были друг другу знакомы, и все было знакомо. Даже собаки узнавали друг друга и тех коров, которых сельчане выгоняли пастись в город и которые медленно проходили мимо нас дважды в сутки, пожевывая по дороге кустарники дикого лимона. Поэтому иногда возвращался я пешком, вся дорога занимала у меня около 30 минут.

Шел долго, не оглядываясь вокруг, мимо пожарной части, что около Белого моста, да и по самому Белому мосту, в котором были и дырки. Проходил баню, которая не функционировала, но внизу был источник, откуда во время войны мы возили воду на тачке. Проходил улицу Матарадзе – там я покупал мороженое, которое всегда хотел донести до дома, но не успевал, потому что слюни текли с такой стремительностью, что приходилось съесть его сразу. После я спускался вниз, поворачивал налево, где дорога раздваивалась, направо шла дорога к 13 школе, а налево был подъем к остановке «Анкара». Там был старый источник, оборудованный каким-то турком, который в камне высек карту Черного моря. У него очень вкусная вода. Однако где-то за год до войны кто-то отвел источник к себе, и вода пропала. В последний год, когда началась блокада, поезда перестали часто ходить, поэтому мы сокращали путь, идя по «железке» прямо от нашей школы через ЖД мост, и выходили прямо к бане, что сокращало путь где-то на километр.

Я не любил ходить на этот мост, потому что еще до войны стал свидетелем, возвращаясь со школы, я увидел, как мужчина заломил молодой девушке руки и пытался ее изнасиловать. Меня охватила паника, но быстро сообразив, я схватил какой-то камень и бросил в него. Камень попал в голову, девушка успела вырваться и убежать, а мужик хотел броситься на меня. Слава Богу, что мой сумасшедший сосед под вечер выгуливает собак именно там – мужчина увидел собаку и тоже убежал. Так я спас девушку от изнасилования и сам спасся. Я рассказал бабушке, она дедушке, потом пришли милиционеры, я все описал, но никто к ним не обратился, да и девушку я эту видел впервые, и мужчина мне был не знаком. С того времени прошел год, но я все также не любил ходить этой дорогой, но приходилось.

Во дворе у нас всегда собиралось много ребят, а самое удивительное для меня сейчас, что мы никогда не спрашивали, кто грузин, абхаз, армян или даже китаец – просто как-то нас объединяло другое. Днем мы просто смотрели за девочками, играли в карты и нарды. По воскресеньям, а иногда и по вечерам мы ходили ловить рыбу на Беслетке, которую потом скармливали кошкам. Так прошло мое самое непродолжительное, но светлое время, а потом Чанба во время войны накрыли, можно сказать, ковровой бомбежкой из Града, на 15 марта 1993 года. Этой ночи никогда не забуду, к сожалению.

Кино, вино и землетрясение

В день моего рождения в 1985 году стояла сильная жара. Бабушка за день пошла в кондитерскую, чтобы купить сладости к столу. Троллейбусы не справлялись с наплывом туристов этим летом, складывалось ощущение, что весь Союз съехался в Сухуми.

Ну а почему нет, когда у населения появились деньги от кооперативов? Во времена застоя в Грузии в целом и в Абхазии в частности процветали подпольные цеха.

Работая на государственных заводах, они выпускали «левую» продукцию, которая приносила неплохую прибыль подпольным миллионерам. С приходом перестройки по всей Абхазии сразу расцвели сотни кооперативов, которые работали в основном на приезжих туристов. Майки а-ля Америка, бижутерия, цветы и частные такси – все это дало возможность цеховщикам выйти из тени. Полгорода было включено в создание бижутерии. Одни делали формы, другие отливали в них олово, третьи клеили на них пластмассовые «камни», которые отливали четвертые.

Вся эта продукция сметалась с прилавков сотнями, поэтому размножились и спекулянты. Так, немного поднакопив, я решил купить себе отдельный видеопроигрыватель, который желал установить в своей комнате. Прошлым летом я уже приобрел телевизор, теперь дело оставалось за малым. Компания «Абсоюз» легально завозила проигрыватели и бытовую технику, которая шла на знакомых и друзей, которыми в Сухуми были буквально все. Поэтому попасть в этот трехтомный список возможности не было, пришлось обратиться к спекулянтам. Уж очень сильно мне хотелось смотреть любимые фильмы, ведь в Сухуми не так давно открылся салон видеопроката, где можно было взять в прокат не только видеокассеты, но и сами проигрыватели. Только вот нужно было оставить паспорт в залог. Пару раз я брал в прокат видеопроигрыватель, а после забывал вернуть, пока Сима, а в народе Саймон, сам не приходил ко мне, чтобы его забрать.

Когда денег не хватало на прокат видеомагнитофона, тогда приходилось идти в видеосалон, где вечерами для особо пытливых включали фильмы категории «для взрослых». Конечно, детям до 18 нельзя было проходить, но это Сухуми, кто тут вообще смотрит на возраст?

Видеомагнитофон буквально объединял людей: если появлялся интересный фильм, то соседи ходили друг к другу, чтобы посмотреть новое кино. Утром рано я проснулся и ждал, когда отец мне подарит 50 рублей, которые полагались мне на каждый день рождения, а уж на 15 лет – сам Бог велел.

Я ждал, чтобы срочно добавить к собранной сумме и рвануть за видеомагнитофоном. Но отца не было дома до самого вечера, только к 5 вечера, когда накрыли стол, собрались все, пришел мой отец. Я уже смирился с мыслью, что куплю себе его завтра, но мне не пришлось. Отец зашел домой с огромной коробкой, в которой был новый видеомагнитофон, купленный в компании «Абсоюз».

– Но как? – удивился я, глядя на отца.

– Да, Вахтанг чаличнул немного, вот и успели взять, – объяснил отец.

Я был очень рад, обнял и поблагодарил отца. Это был самый долгожданный подарок, настолько, что я и забыл о своей сумме, которая хранилась у меня. Сначала у меня проскользнула мысль, а не отдать ли деньги отцу, но после здоровый эгоизм остановил, а здравый смысл подсказал, что, увидев у меня такую большую сумму, он немедленно потребует ответа, откуда я ее взял. А не скажу же я, что мы туристок обрабатывали по мелочи. Нет, решено было потратить половину на видеокассеты, а половину с друзьями в «Амре» отметить. Мы посидели большой семьей, были пару моих друзей, но уже к 9 вечера я рвался на свободу, мне до ужаса хотелось собрать ребят и рвануть в «Амру», чтобы отметить незапланированный день рождения.

Я что-то наплел отцу, что ребята ждут, сделали сюрприз в честь праздника. И мигом умчался, чтобы у него не было возможности задать мне наводящие вопросы – я бы точно прокололся. Мой отец был капитаном милиции города Сухуми, поэтому выводить на чистую воду таких врунов, как я – это его непосредственная работа.

Мы добрались до «Амры», а на входе стояли три отдыхающие девушки, которые обступили стереоскоп в надежде разглядеть стереокартинки прошлого. Дядя Гриша – оператор стереоскопа – устно описывал то, что показывается на картинке, аппараты были очень древними, карточки были не первой свежести и часто портились. К вечеру он уже так уставал, что через слово зевал. А девушки, впервые столкнувшись с таким аппаратом, пищали от изумления. Мы подошли ближе и заметили, что одна отодвинулась от аппарата.

– Что-то не показывает, – заявила она дяде Грише.

– Как не видно, посмотри еще раз, – отвечал Гриша.

– Не видно, – повторяла девушка.

– Смотри, это же Каир, 12 часов ночи, – выкручивался дядя Гриша, – а вот это война в Крыму, и все в дыму, поэтому кажется, что не видно, – добавлял он.

А мы обхохатывались, стоя за девушками, те смущенно поглядывали на нас. Ахра был самый смелый, поэтому договаривался с девушками, чтобы они оставили Гришу и выпили боржоми с нами в «Амра». Девушки смущенно переглядывались, но после охотно соглашались. Боржоми, естественно, никто не заказывал, все заканчивалось у берега моря в два или три часа ночи. А наутро мы завтракали пончиками в кондитерской по проспекту Мира. Это были самые вкусные пончики во всем Сухуми, а запивали неповторимым молочным коктейлем. Этот непередаваемый вкус молочного коктейля, который никто не умудрился повторить. Во время войны, когда город накрыли волны артобстрелов абхазской залповой артиллерии, в одну ночь сгорел весь квартал, не стало и моей любимой кондитерской. После вкусного завтрака мы прощались с дамами, обещая встречу впереди. Но впереди встреч не было, потому что в следующий вечер дядю Гришу обступали уже новые отдыхающие. Помню, на следующий день нас всех вызвали в школу и стали всучивать всякие мелочи с патриотическими лозунгами о советской власти.

Нам было все равно, но отказаться мы не могли, так как выпускной класс, поэтому приходилось покупать то, что так просто никто не купил бы, от марок в пользу «Красного Креста», журнала «Орленок» до билетов в кино без печати, которые можно было использовать в любом кинотеатре Сухуми.

Все выбрасывалось сразу, кроме билетов – а вдруг получится пригласить в кино отдыхающих девушек? В кино никто идти не соглашался, а самому тоже было там неинтересно, когда уже видеомагнитофон был дома, поэтому у меня собирался целый рулон этих билетов. Но как-то раз в Сухуми привезли какой-то индийский фильм, который и затащил меня в кинотеатр. Весь город гудел, все рвались посмотреть этот фильм. Ну и я тоже с пацанами решил попасть на этот сеанс, тем более что билеты проплачены.

Мы пошли в кинотеатр «Комсомолец», что был на углу Чавчавадзе и Ленина. Сейчас этого кинотеатра уже не существует, а тогда он был легендой Сухуми. Мы думали, что наши билеты, купленные на благо «Красного Креста» – это пропуск без очереди, но не тут-то было. Десятки людей атаковали кассу с такими же, как и у нас, полотнами бумаги – все хотели получить штамп и пройти в кино. Каким-то образом нам удалось протиснуться и пробраться в кинотеатр. Правда, вместо одного билета с нас взяли шесть, но это уже было не важно. Людей было как на рок-фестивале, о которых ходили легенды: люди сидели на ступеньках, стояли в коридоре, лишь бы посмотреть индийское кино. Но что творилось на улице у кинотеатра! Маленькие цыганята танцевали и пели песню из индийского фильма, мужчины шутили между собой, а женщины вытирали слезу. Повестка дня на набережной была предопределена в тот день.

На следующий день мы важничали среди одноклассниц, что уже видели этот фильм. Помню, перед русским языком, я договорился с Мананой, что расскажу ей о фильме, поэтому мы сели за одной партой. Мне нравилась Манана, поэтому говорить с ней было одно удовольствие. Наша учительница Рашида Исаковна что-то долго объясняла и писала на доске. В этот момент открылась дверь и мой младший брат крикнул нам: «Пожар», – и закрыл дверь. Секунду немая сцена, Рашида обвела всех холодным взглядом и сказала: «Кто это придумал?». Она, конечно, знала, что это был мой брат, поэтому все подозрения упали на меня, даже одноклассники инстинктивно посмотрели на меня.

– Берая, это твоих рук дело? – спросила строго Рашида Исаковна.

Я ничего не ответил, лишь покачал головой, потому что находился в шоке. В голове крутилось, что я наваляю брату за такие подставы. Но прошло минут пять, как мы услышали сирену пожарной машины. Вот тогда все вылетели из кабинета, а из окон коридора увидели, что горел кабинет трудовика. Рядом с его кабинетом была кочегарка с цистерной мазута. Пожарные быстро справились с огнем, и все успокоилось. Трудовика спасло то, что он был после похмелья и отсыпался на спортивных матах в спортзале. Но самое интересное началось потом: следователи, расследовавшие этот пожар, обнаружили, что это был поджог.

Вызывали меня, отца и моего брата на допрос. Конечно, обвинений никаких не предъявляли – они знали, кто мой отец, и даже если бы я перед ними поджег эту цистерну, никогда бы не стали открыто обвинять. Но дело было в том, что ни я, ни мой брат действительно не имели к этому отношения. Отец нам вставил дома, как оказалось, ни за что, после он извинялся, обещал даже свозить на Рицу.

За несколько недель до пожара из котельной вытек топочный мазут и всем идущим на урок труда пачкал ноги. И вот оказалось, что наш одноклассник Серго принес из дома керосин во флаконе из-под одеколона, полил им вытекший мазут и поджег его. Зачем он это сделал, он так и не объяснил. Зато он хорошо ощутил всю меру наказания, когда его отец восстанавливал кабинет трудовика и котельную. Серго был наказан и нами – ребята решили отлучить его на неделю от столовой. Кто-то из учителей даже спрашивал, почему Серго не обедает, но мы отвечали, что живот болит. Неделю он не мог появляться в столовой, а для ученика нашей школы это было самое страшное наказание.

У нас была самая лучшая столовка, все знали, что в 14 школе им. Чехова кормят, как в санатории. К нам даже приходили питаться ученики соседних школ. Столовая была во дворе школы, во время большой перемены толпа учащихся через задний, точнее, единственный выход бежала туда, чтобы насладиться вкуснейшим обедом. А на автобусной остановке около школы была вкуснейшая газировка «Ракета». Мы покупали булki с марципаном около столовой МВО, всего лишь перебегая через дорогу от школы, а по дороге обратно выковыривали марципан и просто кушали горячие булki, запивая газировкой. Бойкоту Серго пришел конец в день землетрясения, прекрасно помню тот день.

Рядом с нашей школой проходила железнодорожная эстакада. Она была настолько близко, что во время уроков мы наблюдали, как поезда проходят то в одну, то в другую сторону. Когда начался карабахский конфликт, мы часто видели, как в сторону Армении проезжали поезда, где на платформах стояла тяжелая техника, накрытая брезентом. Кабинет историка окнами выходил на эту эстакаду, и во время урока мы почувствовали легкое дрожание пола, как будто рядом идет поезд. Дрожание быстро нарастало, все глянули в окно. Никакого поезда поблизости не было.

– Так, все выходим из класса, – неожиданно произнес учитель, и все рванули в коридор. А Серго остался сидеть.

– Пошли, дурень, – крикнул я ему, а он не поднимал на меня взгляд. – Пошли, говорю, – подошел я к нему и потянул за руку.

– Вы все равно со мной больше не будете дружить, я тут останусь, – быстро произнес он.

– Ора, я сейчас убью тебя, мамой клянусь, – я потянул его сильнее, а он все равно брыкался. Тогда мне пришлось убедить, что я буду с ним дружить до конца наших дней, если этот конец, конечно, не наступит сейчас. В коридоре мы увидели, что дети из всех кабинетов также выбежали и не понимали, что делать дальше. Нам повезло, что лестница была рядом, и мы быстро сбежали по ней, протиснулись в маленькую дверь пожарного выхода и оказались на улице, нарушая все правила при землетрясении.

Землетрясение закончилось, а мы так и стояли в шоковом состоянии, не понимая, что же произошло. Прошло больше часа, прежде чем мы послали Серго в класс, чтобы он принес сумки наших одноклассниц, а наши портфели мы решили забрать завтра. Серго, чувствуя за собой вину, согласился сразу. Позже мы узнали, что произошло землетрясение в Спитаке. Я сдержал обещание и дружил с Серго до конца его жизни, а конец у него наступил в 1993 году – он всегда искал приключения на грани, вот и записался в армию, где и был убит.

Запахи родного города

Каждый раз, когда мне вспоминается Сухуми, закрывая глаза, я вспоминаю запах. Говорят, что память на запахи – самая сильная из всех. Запах моря, смешавшийся с ароматом магнолий, мимозы, цветущего винограда, жареных шашлыков в ресторане «Нарта», черного турецкого кофе на «Брехаловке». Но главным был для меня запах свободы, который более я никогда и нигде не испытывал.

Первые годы, когда я попал в Грузию, мне казалось, что родной народ, люди и тепло заменит мой город. Я даже поддался всеобщей иллюзии того неповторимого колорита, но Тбилиси не смог заменить Сухуми. Потому что я отчетливо ощущал скованность нахождения не на своем месте, которое с годами только усиливалось. А с переездом в Россию я уже полностью потерял ту часть, которая отвечала за ощущение внутреннего безмятежного счастья.

Постоянное нахождение на пороховой бочке своего среди чужих и чужого среди своих. Вроде мне ничто не было чуждо, но ничто не могло мне заменить того самого ощущения. Я уверен, что мои дети уже никогда не поймут, о чем я говорю, они никогда не бросятся в омут своих воспоминаний, чтобы прочувствовать тот запах кофе и морского бриза, доносящегося с другого края черного моря, и ощущение единства с этим огромным и бесконечным властителем нашей земли.

Он придавал жителям и гостям Сухуми беспечности и куража, раскрепощенности, которая не была связана с распущенностью. Скорее, это было внутреннее убеждение, что нам, черноморским жителям, дозволено чуть больше, чем другим советским гражданам.

Я еще ребенком очень любил ходить в кафе гостиницы «Абхазия», в две щеки поедать вкуснейшие в мире шарики мороженого, которые подавали в металлических стаканчиках на пластмассовых ножках. В последующем гостиница «Абхазия» станет для меня легендарным местом, которое в моментах спасало мне жизнь. Перед кафе гостиницы «Абхазия» был разбит цветник, где цветами были написаны число и месяц, а также были часы, циферблат которых был сделан из цветов. Число менялось ежедневно, ежедневно ночью садовники высаживали цветы в новом порядке.

В школе у меня была традиция: убегая с уроков, я бежал в кинотеатр «Апсны», а потом с друзьями шел кушать хачапури «Лодочка» в кафе около Красного моста или прямиком в «Нарту». Ночной Сухуми же был полностью во власти цикад. Их стрекотание было слышно во всех уголках города, и когда я впервые влюбился, то вечер моего романтического свидания был пронизан магией от огромной луны, отражавшейся в тихом море, стрекотанием цикад и запахом цветущей магнолии. А деревья в парках будто дышали – когда ты тайком под вечер уединялся с любимой, чтобы придаться первым сладостным поцелуям, за тобой буквально наблюдали столетние титаны, блюстители морали, опускавшие свои кроны, как только ты переходил черту дозволенного.

Со временем я много с кем разговаривал: одни винили других, третьи считали, что правы только они, а четвертые до сих пор не могут ответить на вопрос, что же они там делали. Но никто из них не смог мне ответить на самый главный вопрос: разве все это стоило того? Стоило ли того, что запах моря сменился на запах пороха, крови, смерти и страха. Звон цикад сменили автоматные очереди, а чаек перекрыли взрывы «градов». Война, выгнавшая из своих домов большинство коренных сухумчан: грузин, русских, абхазов, греков, армян, украинцев и эстонцев.

После прочтенных романов о войне я всегда сталкивался с мыслью о бессмысленной жестокости на поле битвы. Но кажется, что бессмысленность заключается в самой войне, а не в ее жестокости. Жестокость – лишь одно из средств военного конфликта, а вот смысл ей

придаем мы своими восторженными криками о земле, которую ты не унесешь собой на тот свет, о национальности, которая не важна твоему Богу, об истории, которая никому не нужна здесь и сейчас.

Лишь посеяв зернышко исключительности одного народа над другим, ты возвращаешь в себе не только невежественность к мирозданию, но и вражду ко всему инородному, тому, что не отражается в тебе. И именно эта вражда, как молния с неба, разрубила пополам не только город – она раскидала по разные стороны баррикад соседей, родственников, целые семьи. Зачем земля, если она будет пустовать, зачем сосед, если ты не можешь его угостить, зачем тебе друг, если ты не можешь его обнять, зачем тебе дом, если в нем некому жить. Будто полночные призраки, дома в Сухуми до сих пор смотрят вдаль пустыми глазницами. Когда-то эти глазницы были наполнены счастьем, смехом и любовью. Сухуми – это город, в котором веет любовь. Помимо запахов, Сухуми – это вкусы. И мой вкус – это бабушкино инжирное варенье.

Мне было три годика, но с самого детства я был очень взрослым молодым человеком, наблюдавшим за окружением, и иной раз выдававшим очень глубокомысленное заключение. Так, в одно светлое утро я наблюдал за бабушкой, которая жарила мне блинчики. На столе лежала креманка, до краев наполненная вареньем из инжира. Периодически я поглядывал на варенье и жадно заглатывал слюну, но дожидался блинчиков, чтобы растянуть удовольствие.

– Это мои блинчики? – спрашивал я бабушку, чтобы как-то отвлечься.

– Да, Амбо, все твои, – отвечала бабушка.

– Тогда я буду их кушать первый, – строго говорил я, – если кто съест без меня, то всех накажу, – еще строже добавлял.

Бабушка посмотрела на меня и улыбнулась, ничего не ответив. Наконец она закончила жарить и сложила все блинчики стопочкой. Соблазнительная горочка, на которую я хотел накинуться, но не смог, потому что мне в мгновение захотелось в туалет.

– Значит так, мне тут надо по делу отойти, но я все блинчики посчитаю, без меня не вздумайте кушать, – строго проговорил я и стал считать стопку. Конечно, я не умел считать, поэтому просто перебирал все числа один за другим, а потом отправился в туалет.

– Остынут, Амбо, – встречала меня бабушка, когда я вернулся обратно.

– Зачем ты съела? Я же говорил не кушать без меня, – расстроено произнес я.

– Ты что, правда посчитал блинчики? – удивилась бабушка.

– Беби, я же не умею считать, я просто перевернул верхний блинчик, – ответил я, и она залилась смехом, а после еще рассказала папе и маме, которые смеялись моей сноровке. Бабушка очень любила меня, она стала для меня второй мамой, которая знала все мои секреты. Помню, однажды я ей принес целую банку светлячков с возгласами, что дарю своей бабушке звезды.

С наступлением лета в Сухуми появлялись светлячки, которые очень ярко светились в темноте. Они летали по городу и веселили людей, а мы детьми пытались словить их, иногда мне это удавалось. Вообще в детстве мне многое давалось легко, особенно то, что было не свойственно моему возрасту. Особенными были мои романтические порывы: в те далекие времена пределом мечтаний любого мальчишки был самопал, который делали из прикрепленной к деревяшке зажатой с одной стороны антенны «Жигулей» или «Волги».

Вот один раз я и мой друг Леван решили пойти к морю, будучи совсем еще детьми, покидали там камни в море, искупались пару раз, а потом вернулись обратно к дому. И тут вдруг, проходя мимо стоящей под эстакадой «Волги», Леван сказал, что он делает самопал и ему нужна антенна от этой «Волги». Отговаривать его было бесполезно, и он начал ее выдергивать. Не получалось. В конце концов, он ее выдернул, и тут из-за угла появилась жена хозяина машины. Она схватила нас и отвела к родителям, потому что была знакома с мамой Левана, узнав его, она сначала пристыдила, а после погнала к дому. Досталось нам обоим, но больше всего Левану.

Нам не было еще 8 лет, а мы уже решились на такое. Долго меня дома отчитывали, после этого я проходил мимо всяких машин. После с Леваном у меня произошла еще одна интересная история, спустя 7 лет после последнего инцидента мы вновь решили прогулять школу. Рядом с нашей 14 школой находился кинотеатр «Апсны» – самый большой и новый кинотеатр не только в Сухуми, но и во всей Абхазии. Все новые фильмы первыми шли именно там. А иногда мы бродили по набережной, засматриваясь на отдыхающих девчонок. По пути мы покупали у цыган жвачки «Дональдо», притом что у нас в классе была одна девочка-цыганка, она у своих собратьев, «чавелла», брала жвачки по своей цене.

Нам встречались цыгане, у которых был попугайчик, и они зазывали: «Боря гадает». Или в «Нарте», где рядом околачивался Марadona – поистине легендарная личность, колорит Сухуми. Марadona был практически бомж, но сумел завоевать любовь сухумчан и гостей черноморского курорта. Что-то в нем было непередаваемое.

Однако не всегда все проходило гладко, и именно тот день был таким. Мы с Леваном заранее договорились, что должны прогуляться по набережной, а после отправиться к Илоне. Девочка, которая нравилась нам всем, жила недалеко от набережной, и в тот день Леван решил признаться ей в любви. Конечно, дело такое, что ни о какой учебе не может идти речь. Леван не знал, что Илона нравится и мне, да и я никогда не сказал бы ему об этом. Все бы прошло хорошо, но наша директриса Евгеша узнала, что наш класс ушел на «шатало», и бросалась за нами по всему городу на своем белом «Запорожце». Сначала устраивала засаду около «Апсны», если там не удавалось нас перехватить, ждала у «Нарты». Но мы все равно пробивались. На следующий день нас строили перед учительской, и начиналась экзекуция.

Евгеша кричала, что расформирует класс, что разгонит нас по районам, но мы давали честное слово, что больше не будем, к тому же, завуч была матерью нашего одноклассника, и постепенно Евгеша остывала. В тот день нас не пугала даже завтрашняя экзекуция. Слегка оторвавшись от Евгешы, мы отправились к Илоне – она стояла у подъезда, а Леван немного трусил к ней подходить. Я его подталкивал, чтобы он ничего не боялся. Наконец Леван решился и отправился к Илоне, а я присел на лавочку, опустив голову, чтобы не смущать влюбленных. Я поднял голову, когда ошеломленный бросился ко мне и стал тянуть меня. Мы выскочили из двора, он тянул меня, а я пытался остановиться, чтобы понять происходящее.

– Стой, что случилось? – спросил я, отдернув свою руку.

– Она любит другого, – сухо ответил Леван.

– Кого? – инстинктивно вырвалось у меня.

– Не сказала, – совсем тихо сказал Леван.

– Стой тут, – смело произнес я.

Я бросился обратно к Илоне, которая все так же стояла у подъезда, возможно, она знала, что я вернусь.

– Почему ты не любишь Левана? – спросил я ее, подойдя ближе.

– Я ему сказала, почему, – гордо ответила Илона.

– Мне тоже скажи, – строго сказал я, но она смутилась и опустила голову, я тогда не понимал, в чем дело.

– Послушай, Илона, ты должна любить Левана, поняла, – говорил я и совершенно не осознавал своих слов.

– Не буду, – обиженно ответила она.

– Почему? – удивился я.

– Потому что не хочу, – отвернулась она.

– Пожалуйста, люби Левана, ради меня, – сказал я, и она удивленно посмотрела на меня.

– Ради тебя?

– Леван мой лучший друг детства, – стал я запинаться.

– Хорошо, – строго произнесла Илона.

– Супер, – обрадовался я, – тогда я пойду за ним? – спросил ее.

– Хорошо, но только пусть он скажет тебе, кого я люблю, и если ты его все равно отправишь ко мне, тогда я буду любить Левана, – сказала она и отвернулась.

Я ничего не ответил, но понял все. Илона назвала мое имя Левану, поэтому она не ушла и дождалась, что я приду к ней обратно, и поэтому Леван мне ничего не сказал. Я вернулся к Левану и ничего не спрашивал у него, а просто настоял, чтобы он шел к Илоне, она согласилась его любить. Леван бросился к дому Илоны, а я отправился к морю с жутким чувством непонимания: меня любила девочка, которая мне тоже нравилась, но своего друга я любил больше.

Не понимал я только одно: а правильно ли я поступил? Это чувство меня преследовало очень долго, пока через 5 лет после войны я случайно на свадьбе не встретил Левана и его жену Илону. У меня остался друг на всю жизнь, а у друга жена. Кажется, я поступил правильно.

Рауль

- Стой, стой сейчас отпору, – кричал старик убегающему к морю мальчику.
- Не отпорешь, не догонишь, – смеялся мальчик, оборачиваясь то и дело назад.

Они бежали вдоль тротуара, мальчик спешил, он хотел первым прибежать к морю, хотел насладиться им первым. Он не хотел оказаться вторым. В тех краях мужчины всегда и во всем хотят быть первыми, а это был самый маленький, но уже мужчина. В городе стояла жара, каких не видел ни один август. Садовые гортензии и сирени изнемогали от жары, дождя не было уже вторую неделю. Нужно было собирать орехи, переживали, поспеет ли инжир, а что будет с виноградом. Местные жители просто не могли поверить: третья неделя августа и ни капли дождя. Черное море благосклонно в этом сезоне к отдыхающим. Да только в окрестностях и отдыхающих-то нет.

Мальчик бежал в сандалиях по раскаленному асфальту, казалось, что он оставляет позади себя следы. Ему еще не было десяти лет, и дедушка боялся, что с ним что-то случится. Да что с ним могло случиться, когда в окрестностях он знал каждую дворовую собаку и был знаком со всеми, с кем только можно было познакомиться, и даже с теми, с кем нельзя было?

- Стой, Рауль, а то накажу, – крикнул ему дед.
- Не посмеешь, – ответил Рауль.

– И откуда только он эти слова знает? – удивился дед и остановился. В одышке он не мог крикнуть ему, чтобы тот постоял немного: махал рукой, но, как назло, Рауль перестал оборачиваться и просто бежал.

Рауль был смысленный ребенок, он знал в этом городе каждого, но вот слово «не посмеешь» он выучил хорошо и надолго. Ему еще не было 8 лет, как Хвича – это местный авторитет, который смотрел за порядком в городе, – приглядел себе этого мальчика. Было все не просто так – в тот день была жаркая погода, и Хвича с друзьями играли в карты во дворе, а Рауль с друзьями играли в футбол.

- Эй, фуцки, давай сюда, – крикнул один из игроков в карты мальчикам.

Те немного опешили, но побежали к столу. Рауль же подхватил мяч и шел медленно и спокойно.

– Айда на хазу к тете Манане и скажите, что Хвича просил вино холодное и что-нибудь на зубок, – сказал вновь мужчина.

Ребята услышали и побежали в сторону частного дома. Казалось, что это не первый раз, когда они исполняли просьбу взрослого человека. Рауль стоял неподвижно, в его руках был мяч, и он смотрел на это мужчину в упор. Потом развернулся и направился в сторону игровой площадки.

- Эй, васа, а ты че не побежал? – спросил мужчина.
- Тебе надо, ты и беги, – ответил Рауль обернувшись.

– Ты смотри на него. Ну, он исполнил, вы видели, – сказал мужчина, смотря на Хвичу. – А ну иди сюда, – сказал он мальчику.

Рауль стоял неподвижно и молчал, он не сделал ни шагу навстречу к ним и ни шагу к площадке – он просто остановился и замер. Мужеству и выдержки восьмилетнего ребенка можно было позавидовать.

- Подойди, – тихо сказал Хвича.

И тогда Рауль смело направился к ним, взгляд его не был уже напряженным.

- Почему не побежал? – спросил его Хвича.
- Не хочу, – строго ответил Рауль.
- Не ломай меня, я же попросил, – ответил Хвича.

– Я что, голимый или залетный чангалист, чтобы на хазу бегать? – серьезно ответил ребенок.

Все пребывали в шоке, потому что впервые слышали от ребенка такие слова.

– Мою душу мотал, я тебе сейчас шнобель оторву, понял? Ты не в азрах, с кем говоришь? – сказал ребенку один из сидевших за столом.

Рауль ничего не ответил, а только пристально смотрел на того, кто это сказал.

– Ты чего так смотришь? – удивился мужчина.

– Запоминаю, – ответил ребенок.

– Что запоминаешь? – спросил мужчина.

– Лица ваши запоминаю. Когда я стану таким, как он, – Рауль кивнул головой в сторону Хвича, – каждого буду помнить, – закончил ребенок, пнул мяч в сторону площадки и убежал. Мужчины секунду молчали, а потом стали громко смеяться. Кто-то заметил, что борзая молодежь растет. Но только Хвича не смеялся – он пристально смотрел на ребенка и совершенно забыл об игре.

– Это не молодежь борзая, это он – волк. Ребенок, а нас всех уделал, – сказал Хвича, – ладно, сдавай, – отмахнулся он сдающему карты.

На следующий день Хвича нашел Рауля на той же площадке, и с тех пор он всегда рядом с ним в свое свободное время. Старый аксакал заметил то, что все другие сочли за наглость – он заметил дух, который не сломить.

Дед уже отдышался и побежал за Раулем, но его не было видно за пальмами, которые даже от такой жары не сгибали кроны. Они были неподвижны и стойки. Но дед не переживал, он знал, где Рауль: он был у высотки – место, где каждый местный житель мог нырнуть в воду, чувствуя себя олимпийским чемпионом. Рауль любил нырять и представлять, что за его спиной многотысячная толпа людей, которые ждут, что он исполнит очередной олимпийский рекорд. И тогда скажут: «Молодой Рауль из Очамчиры выиграл олимпийские игры».

Но в этот день раскаленный от солнца пляж из камней не дал ребенку пробежаться и исполнить свою мечту. Почти дошедший до места дед увидел, как ребенок спокойно возвращается обратно, пиная ногой бутылку.

– Что, не в этот раз? – спросил дед.

– Там штиль, и камни горят, – ответил Рауль.

– Ну ничего, может, тебе футболистом стать великим? – пошутил дед.

– Я стану великим, как Хвича, еще величественнее, – сказал мальчик.

– Глупости, ерунду не говори, – отдернул его дед.

Рауль ничего не ответил на это. Он будто знал, что все, чему суждено – сбудется. И никогда ни за что не ругался и не переживал. Они шли спокойно, что-то говорили. Из частного дома выглянула молодая женщина с дочкой – они собирались на базар.

– Добрый день, батано Мераби, – сказала женщина, посмотрев на деда.

– Добрый день, Эка, как там Осик? – спросил Мераб.

– Все хорошо, спасибо. Заходите к нам, – сказала Эка.

Но Мераби и Рауль понимали, что на улице печет солнце, до их дома бежать они уже не смогут, а идти таким прогулочным шагом было жарковато. По дороге не было ни одного ларька, чтобы купить выпить. И тогда они зашли в дом к греку, у которого жена была грузинка. Он сам был родом из Сухуми, но родня жены перевезла его в Очамчиру. Мераби и Рауль стояли у калитки и звали Коста.

– Коста, – кричал Мераби.

– Пиндос, дай воды напиться, если человек, – крикнул Рауль.

– Это что за слова еще? – возмутился Мераби. Мераби был совершенно стар и мудр, в своей жизни он не нажил много богатств, но нажил много литературных трудов. Он писал

книги и в Очамчире был очень уважаемым человеком. Поэтому в его семье все всегда говорили грамотно, порой литературно изъясняясь.

Как бы забавно ни было, но именно на слова Рауля и отозвался Коста. Он завел мужчин в дом, налил им воды, а через десять минут уже был накрыт стол и налито вино. Тогда Мераби понял, что совершенно забыл правило: «Если не хочешь пить, то не заходи в дом к очамчирцам».

Уже невозможно было отказаться – было налито. Они сидели и говорили о многом, а Рауль был рядом и все впитывал, как губка. Он слушал каждое их слово, каждую мысль и переключивал на свой лад, как бы он мог сказать это. Поговорили о том, что очень быстро меняется настроение у политиков: поговаривают, что будет небольшой бунт. Дед Мераби возмутился, что такого быть не может, в Абхазии сроду войны не было. Говорили о неурожае, о том, что в Сухуми на пляже места свободного нет, да о многом успели поговорить.

Солнце уже село, когда они вышли из дома грека и могли уже спокойно пройтись в вечерней прохладе. Улицу было уже не узнать: около частных домов у калитки сидели на стульях старики, молодежь играла в мяч и каталась на велосипедах, мужчины играли в нарды и карты.

Рауль увидел друзей на площадке и взглянул на деда, тот утвердительно кивнул, и мальчик побежал туда. А Мераби присел с соседями и разговаривал обо всем, про всех и каждого. Гортензия вечером пахла по-особенному, светлячки горели еще ярче обычного, звуки города не умолкали – и вдруг у Мераби на душе мелькнуло ощущение счастья. Прекрасный вечер был в тот год в Очамчире.

Эмигрантский сон

Вчера мне приснилась моя любимая Абхазия. Мой город, дом, огород. Утром так захотелось туда поехать, а ехать некуда. Не получилось! А во сне смог – там не было границ, чужих людей и пепелища. Бабушка меня встречала такая улыбочивая, смотрела на меня во все свои миндальные глаза. Утром я понял, что никто меня из этого рая не изгонит, потому что воспоминания эти всегда со мной.

Думаю, может, купить мне билет в один конец, бросить все и вернуться к корням, откуда я взошел и куда моя память меня возвращает вновь и вновь. Да и к черту эти границы, к черту, что могу погибнуть от вражеских глаз и рук. Решился! Думаю, пойду, куплю билет.

– Мне до Сухуми, – говорю я.

– Может, Сухум? – отвечает кассир.

– Сухуми, – настойчиво ставлю ударение на «И».

Кассир смотрит паспорт, прочла фамилию, посмотрела в упор и говорит.

– Грузин, что ли?

– Да! – уверенно ответил я.

– А зачем же вам билет? Вас все равно не пустят! – с ухмылкой ответила она.

– Ты продай, а я уже сам разберусь, пустят или не пустят. Это мое дело, – уверенно заявил я.

Она посмотрела на меня, а во взгляде чувствовалось сочувствие. Небось подумала, что с головой у меня плохо. Да, плохо. Разве может быть с головой хорошо, когда меня в мой дом не пускают, когда я скитальцем по обрывкам памяти собираю свое прошлое и свою землю. Билет продала, потому что видела – иначе я бы все там разорвал. Стою и держу в руках билет в один конец – в прошлое или будущее, неизвестно.

Трепетно рассматриваю его – долгожданный и нужный мой случай к самой главной встрече в жизни. Счастье переполнило мою грудь, и плевать, что больше суток ехать, что на границе будут досмотры. Я потерплю. Лишь бы броситься к калитке, у которой с плетью меня ждала бабушка, чтобы выпороть за очередную шалость. Только бы прильнуть к ее ногам и крикнуть: «Бей, бей, бабушка, я все вытерплю, лишь бы чувствовать твои прикосновения». Разве кто мог подумать, что скучать я буду по этим поркам?

После пройду до моря и обратно, на биржу гляну. Вдруг там остались мои друзья: Тенго, Георгий, Адамур, Давид? Надышусь морским бризом и запахом акаций, которые так густо росли вдоль побережья. Разве не в этом счастье, разве можно было что-то иное желать, как не жить там всегда и вечно? Только бы в одно мгновение пройтись по этим улочкам, встретиться с тетей Шурой.

У нас во дворе жила тетя Шура – легендарная бабушка, которой уже тогда было, наверное, под 80 лет, но мы ее называли почему-то мягко тетя Шура. Все ребята соседних дворов сбегались, чтобы просто посмотреть на колоритную бабушку, легко изъясняющуюся на воровском жаргоне и закидывающую стопку анекдотов за две минуты.

Легенды ходили про тетю Шуру: кто-то говорил, что она отсидела полжизни, кто-то говорил, по политической была репрессирована при Сталине, а кто-то говорит, что воровала. Неизвестно было ничего про тетю Шуру, но то, что она проходила этап, говорят ее многочисленные татуировки. Ее постаревшее тело приходилось растягивать, чтобы как-то разглядеть надпись на одной из татуировок. Тетя Шура особенно понимала нас, поэтому мы мальчишками бежали к ней за очередной порцией советов.

Помню, когда мне было пять лет, мы с тетей Шурой отправились на похороны, но никто из моих не знал, поэтому искали по всему району. Меня никто не мог найти, бабушка схва-

тилась за прутик, думала, я где-то спрячусь, но потом в отчаянии даже в колодец думала броситься, боялась, не упал ли я туда. Меня искали всеми соседними домами, но никто не видел и не слышал меня. Мама была в отчаянии и полуживая, мне кажется, в детстве я забрал у нее половину ее красоты всеми переживаниями. Я застал эту картину, когда гордо, разодетый в новый костюм, шел домой. Удивленный, смотрел на них, а мама и бабушка бросились ко мне, стали обнимать и целовать. А я искренне удивился и спросил: «Чего вы меня искали, я на похоронах был».

Тетя Шура всегда особенно смотрела на меня, будто я ей не сосед, а внук. Ведь именно она сдала меня родителям с аппендицитом. У меня были жуткие боли в животе, я не понимал, что это может быть, но догадывался – скорей всего, аппендицит. Никому говорить об этом даже и не думал – совершенно не хотелось оказаться на операционном столе. Вообще, с самого детства у меня всегда было чувство «да и черт с ним, само пройдет». Скрывать боли удалось только неделю, потом они усилились, а вместе с ними поднялась температура до 40 градусов. И тогда я не хотел говорить маме, а все скрывался от нее, но тетя Шура все выдала под самую чистую. В тот же вечер мне сделали операцию, все прошло удачно, на третий или четвертый день меня выписали. Я лежал на гамаке во дворе, когда услышал, как Мераб и ребята идут к морю играть в футбол. Вот тут у меня и зажглась та самая красная лампочка: разве я мог не пойти играть? Конечно, я побежал играть в футбол. Я бежал как сумасшедший, спотыкаясь и падая. Я кричал во все горло, чтобы они остановились. Мы сыграли два тайма, а ребята не верили, что меня резали. С мальчишеской уверенностью я показывал им свою рану. И все это на третий день после операции, когда моя бабушка увидела это. Она бежала за мной по всей улице с прутиком. Бежала и кричала: «Остановись, а то кровь пойдет. Остановись, или убью тебя». Мы так пробежали до дома, а вечером мне стало опять плохо, и меня отвезли в больницу. Там наложили новый шов и уже не выпускали, пока все не заживет.

Проснулся утром... Жаль, оказывается, и это был лишь один большой сон. И билет мне некуда купить, и поезд давно не ходит. И бабушка меня там не ждет, и друзья распластались по белому свету, и больно в груди. Лучше бы мне никогда не снились такие сны. Эмигрантский сон – вы знали, что он особенный? В нем заточена какая-то магия, тебя всегда будет отбрасывать прибой воспоминаний и невозвратных событий. Я бежал из города, который практически горел в пожаре несправедливости, жестокости и человеческого беспредела.

Я покидал город с паспортом и фирменным портмоне, которое мы успели чаличнуть до всего этого ужаса. Помню, как мне казалось тогда, что я спасся. Это я сейчас понимаю – погиб и похоронен в развалинах Сухуми! «Запишите и распишитесь», – сказала мне белокурая мадам, выдававшая гражданство Российской Федерации. Гия, мой самый близкий друг и сосед по совместительству, окутал белокурую мадам чарами любви, да так, что почти половина нашего района получили русский паспорт без особых проблем. Но это не было нам в радость, потому что проблем было и без того достаточно – съемные квартиры в Москве, где жили по 8—10 человек, бывало, мы спали по очереди. Ипотечные грузины, выданные России в бессрочный кредит. Никто не знал, когда мы вернемся назад, но знаю точно – в течение 5 лет все жили на чемоданах.

– Ребята, мы сейчас вернемся, и я все же уломаю Манану, – говорил каждый вечер Чия.

– Уломаешь? Нет, Пароход. Васа, она даже не вспомнит тебя, – смеялись мы.

Но Чия не успокаивался, он продолжал настаивать, что осталось немного, и мы вновь вернемся в свой дом, на свою улицу, в порт, который вечно открыт для нас. Чия очень любил Манану, вообще его звали Виктор, в честь прадеда, который был героем Великой Отечественной войны. Конечно, Чия не давал нам это забыть. Но больше всего мы не забывали ненавистную его кличку, которую он получил неспроста. Манана жила на маяке, и этот прохвост умуд-

рился найти такую узкую щель в заборе, что пробирался в нее и залезал к ее окнам. Он всю ночь наблюдал, как она спит. Щель была такая узкая, а Чия так извивался, что мы его и прозвали Чия-червяк.

Мы ему, конечно, не говорили, но Гия видел Манану на базаре, она колготками торговала, вышла замуж. Он об этом позже узнает, да так с ума сойдет, что к ее дому приедет и начнет орать: Манана, выходи, мы уезжаем. И если бы муж Мананы не был чистый гоими, ну, если дословно, лох, а она бы вышла, то Чия ее увез бы. Мамой клянусь, в нем был такой задор, что каждому дай Бог! Но Манана не вышла, а Чия умер от передозировки. Многие в первые 8 лет умерли тогда, но я никого не могу судить.

Брошенные в чужеземный край без возможности вернуться обратно – все это давило на молодежь. Помню, когда мне едва исполнилось 17 лет, я жил на своей улице в Сухуми. Это была Агумава, оживленная улица, частные домики, итальянский дворик – все как у всех. Я, никому ничего не сказав, уехал с ребятами в Ростов. Это был мой первый приезд в Россию, никогда не забуду это чувство. Кажется, для меня открылся новый мир, который мне очень понравился, но через три дня я уже рвался обратно. Мне не хватало воздуха в Ростове, я задыхался от какой-то несвободы, так мне тогда казалось.

Когда мои ноги ступили в Сухуми, я первым делом побежал к морю и стал обнимать пальмы, а люди смотрели на меня как на большого сиафанта. Но я, правда, так скучал, особенно по биржам. Каждый вечер мы биржавали у порта, а днем бежали к кафетерию при гостинице «Абхазия», где покупали самое вкусное мороженое для москвичек, приехавших отдохнуть на курорт Черного моря. Ох, какие девушки нас любили в те времена. Еще мы заходили порожняками на чужие греческие свадьбы, где никто нас не знал. К концу вечера, полупьяные, мы танцевали с женихом и невестой сертаки. Никто и не думал нас выгонять.

Больше всего я любил гулять поутру вдоль набережной, попивая свежеприготовленный черный кофе на песке. Если вы не пили «турчанку» на песке, тогда вы просто не знаете ничего о вкусе настоящего кофе. Ни с чем несравнимое чувство. Я любил одну девушку, она работала в кафе и каждое утро готовила мне кофе. Сложно представить, но я каждое утро выпивал кофе, и мы обменивались словами: доброе утро, кофе, один, спасибо, вот ваша сдача, оставьте себе. И все! Больше я с ней ни о чем не мог заговорить. И тут совершенно не причем, что мне было 18 лет, потому что я очень искусно и умело обхаживал туристок, но тут будто сковородкой по голове. Она не была из строгой семьи, отец не оберегал ее, но она сама себя оберегала так, что мало никому не показалось бы. Тогда я понял одну истину, что никакие замки, сторожа и засовы так не уберегут девушку, как ее собственные строгие правила. От этой строгости в ее лице я так и не спросил, как ее зовут, да и никто не знал. Потом началась война, потом я потерял свой утренний кофе и кареглазую Мадонну. У меня уже скоро внуки, а я каждую ночь во сне вижу один и тот же сон: я гуляю вдоль набережной, захожу к моей Мадонне, покупаю кофе – и вдруг начинают летать истребители и стрелять мелкими по земле. В этот момент я просыпаюсь.

Эмигрантский сон – он всегда такой тяжелый, потому что на нем груз всех душ, которые покинули этот мир. Столько ушло во время и сразу после, а потом постепенно теряешь каждого. Ну а потом видишь их во сне, по одному и каждого. И никогда не закончится этот сон длиною в жизнь. Мне уже никогда не вернуться назад, но во сне я всегда оказываюсь на этой набережной, в этом кафе с этой кареглазой.

Подаренное счастье

Река в окрестностях Гали была холодна в октябре месяце. Молодые ребята уже не приходили к водоемам для развлечений и банных процедур, а девушки не стирали одежду. Каждый нагонял скот к реке, тем самым коротая время, разговаривая с ближайшими соседями.

– Говорят, у Липартия скоро свадьба? – спросила колоритная женщина, стоявшая у берега реки.

– Да, жених городской, с самой Гагры, сын высокого чиновника и врача, так что в хорошую семью Марьям дочь отдает свою, – ответила другая женщина, она была чуть в годах и говорила громче обычного.

– Хорошо, хорошо, – задумчиво ответила первая дама.

На этом разговор их был закончен, и каждая принялась заниматься своими делами.

Липартия была семьей среднего достатка с единственной дочкой Лилией. Девушка отличалась красотой и грациозностью цветка, которым ее нарекли. Прилежная красавица, которая редко была замечена в ссорах и непристойном поведении. Можно сказать, что в той деревне редко кто был замечен в непристойном поведении. Только если Лаура, которая была первой любовницей председателя деревни – женщина видная, лет так 35, с сочными формами, она была звездой деревни. Нет, ее никто не сторонился и не чурался, да разве и могли, если она главная на деревне.

Жена председателя – женщина скромная, делала вид, что не замечала всего этого. Любовь председателя позволяла Лауре ездить на курорты Черного моря, дабы приводить себя в порядок. Так вот, на одном из таких курортов с родственными связями она и заприметила молодого жениха для Лилии, дочери Липартия.

Благородным жестом это было сложно назвать, потому как в этом заключался свой интерес – любовный. Лаура, помимо того, что ублажала любовью председателя деревни, была всю свою жизнь влюблена в отца Лилии, Мераба, вот ему она и хотела угодить. Язык Лауры не только до Киева довел, но еще все так устроил, что свадьба была назначена при том, что невеста с женихом друг друга разок и видели, да и того полчаса. По обыкновению местных обычаев никто и не задумывался о других нормах знакомства. Дата свадьбы была определена, и жизнь текла в чередке подготовки и готовки. Вот только старый дед замечал, что невеста очень грустна в последние дни, а погрустнела она после одного события, произошедшего с неделю до.

– Скажешь мне или нет? – заявила Лилия молодому человеку. Он сидел в джигитовской оправке на коне, а темная шевелюра была откинута назад. Он смотрел на нее строго и неприужденно, сверху вниз. Девушка стояла возле коня и просила ответа.

– Я сказал тебе, что никакую Диану не знаю. Да даже если знаю, это мое дело, – отвечал он резко.

– Ах, так. Тогда я выйду замуж. Ясно тебе? – резко выронила девушка.

– Выходи хоть завтра, – обронил молодой человек и поскакал от девушки на своем вороном.

– Дурак ты, Шалва, – заплакала Лилия.

Так вот заплакала, а согласие свое со злости и дала, когда опять местные стрекозы ей нашептали, что Шалву ее видели с Дианой у реки. Дала согласие выйти замуж, и свадьба быстро свершалась. Лаура не могла терпеть, поэтому умудрилась за две недели все организовать, а грустные глаза невесты стремительно в этом ей помогали.

Жених приехал с большой семьей и друзьями, стол был накрыт на 300 человек. По обычаям, прежде невеста накрывала стол, чтобы он ее из дома забрал, а уж после в своем городе должен был устроить пир жених.

Лаура лично занялась подготовкой невесты: красила и наряжала ее с самого утра. Ох, и красавица была Лилия в тот день. Да и жених красавец – высокий брюнет, интеллигент и светский франт. Гости собрались за столом, а сердце невесты было не на месте. Прежде чем выйти к гостям и жениху – будущему законному мужу, – она отправилась в туалет.

Позади дома стоял деревянный туалет, тропинка к нему была неосвещенной, поэтому надо было так стараться, чтобы не зацепиться платьем за кусты. Но Лилия напрочь отказалась от посторонней помощи, поэтому пошла одна.

– Лили, Лили, – окликнул ее кто-то с другой стороны дома.

– Шалва? – удивилась девушка, а, подойдя ближе, увидела своего любимого. Это действительно был он, смотрел на нее проницательным взглядом.

– Пошли, Лили, – заявил Шалва, он сидел на коне, а позади за спиной у него висело ружье.

– Я замуж выхожу, – опустив глаза, произнесла девушка. – Почему ты раньше не пришел? – добавила она.

– Пошли, Лили, – более строго повторил молодой человек.

Девушка не ступила к нему ни на шаг, а лишь тревожно оборачивалась назад. Она боялась, что кто-нибудь из родителей или гостей ее увидит.

– Не могу, – ответила она.

– Хорошо, тогда обними меня напоследок, – произнес Шалва.

Девушка подошла ближе к забору, молодой человек наклонился к ней, схватил одной рукой за талию и усадил на коня. Фата зацепилась за забор и оборвалась, растрепав волосы девушки. Они поскакали в сторону леса.

Гости усаживались по своим местам, а у Лауры сердце было не на месте, и она пошла смотреть невесту.

– Миша, Миша, сбежала... – вскрикнула вдруг Лаура, и отец Лилии подбежал на задний двор.

– Кто сбежала?

– Дочь твоя сбежала.

– Как? С кем?

– Да откуда же я знаю? – била себя по лицу женщина, осознавая неизбежность скандала.

На задний двор сбежались все: мама, папа, жених и его родители и маленький Гоча.

Гоча был местный шпион, его даже так и называли Пуаро, потому что он знал про всех и каким-то чудным образом оказывался свидетелем всех важных событий. Десятилетний пацаненок, игравший с местными мальчишками, мог легко разрешить конфликт взрослых.

Пока все рассматривали висевшую на заборе фату и недоумевали, как такое могло случиться, подоспел и Пуаро.

– Сбежала Лилия, сам видел, с Шалвой Хвингия сбежала, любят они друг друга. Сам видел, лично, – проговорил мальчик, и все злобно на него посмотрели. Повисла тишина.

– Если ты сейчас не решишь это все, я вас тут всех убью, – грозно сказал отец жениха Лауре.

А как же он мог не злиться, когда все высокопоставленные его гости были завезены в местную глубинку за невестой, а тут такой позор. Лаура не долго думала и подошла к девушке, которая жила в соседнем доме, дочка Мамулия. Девушка была не красавица, но очень скромна и прилежна. Про нее говорили в деревне, что замуж ей не выйти, потому как уж слишком дурна собой, да и два слова связать не может. Лаура знала, что никто не согласится на столь дерзкую авантюру, кроме Ипполита Мамулия – он свою дочь с радостью отдаст в хорошую семью. Схватив фату, она вызвала девушку, которая уже сидела за столом в качестве гостя, и сказала ее отцу все, как есть. Надели на девушку фату и в том, что было усадили. Она сидела в качестве невесты рядом с женихом. Гости не понимали, что происходит, но поползли слухи.

А жених за весь вечер так и не взглянул на новоиспеченную невесту. Свадьба прошла весело, после третьего тоста уже никто не помнил ничего, да и не замечал, что хозяев дома нет за столом. Утром Ингу Мамулия увез муж в Гагры, а счастливый отец не мог нарадоваться судьбе. Семья Липартия была опозорена, отец семейства хотел было пойти забрать дочь, но Лаура его отговорила.

Время текло своим чередом, отец смирился с выходкой дочери. В Гаграх были военные действия, и всех как-то быстро разбросало по миру.

– Инга? Инга Мамулия, это ты? – спросила продавщица у покупательницы в рыбном отделе базара.

– Да, я, – удивленно ответила Инга.

– Не узнаешь меня? Это я, Лилия Липартия, соседка твоя, – ответила взрослая дама.

– Боже мой, Лили, – удивилась Инга и кинулась обнимать женщину.

Двадцать девять лет прошло с тех событий, а они встретились только сейчас. Инга рассказала, что после войны они переехали в Москву. Муж занялся бизнесом, у них двое детей. А Лилия осталась жить с Шалвой в деревне, после переехали в Тбилиси, а вот пять лет назад решили в Россию переехать. И вот сейчас работает на базаре, продает рыбу.

– Знаешь, Лили, как я тебе всю жизнь благодарна, что ты тогда сбежала. Я как принцесса живу всю жизнь. Хоть и страшно было за незнакомого выходить, – сказала Инга.

– Если бы ты знала, как я всю жизнь жалею, что сбежала. Мой Шалва – простофиля ужасный, всю жизнь на себе ташу и доброго слова не услышу. А сколько женщин у него было, – пожаловалась Лилия.

Увидев Ингу в мехах и золоте, Лилия еще больше стала сожалеть, но время не повернуть вспять – каждый выбрал свой путь и судьбу. Инга пригласила после работы Лили к себе, познакомить с мужем и внуками. Лили согласилась, но приходить не решилась.

Мирная свадьба, военный сочельник

Помню, как мы с ребятами оказались в трудном положении – нужно было решить судьбу нашего одноклассника Хвичи. Этот негодник заложил нас перед учительницей, которая пошла к директору, а тот вызвал милицию. Досталось нам по самое первое число, которое, кстати, и было первым апреля. Мы пошли на разборку в детский санаторий, который находился за нашей школой. Вторая сторона привела своих друзей, соседей и несколько ребят из 6 школы. Но разборка в санатории не удалась – там было слишком многолюдно. Мы пошли на пляж, где были наброшены огромные каменные валуны, куда люди не ходили. Тенго вышел вперед, чтобы поговорить, а со стороны противника вышел здоровый парень, больше напоминающий баскетболиста.

Наш Тенго был ростом 170 см, но всегда задиристым, а тут и он, выйдя вперед, оглянулся в нашу сторону. И тут свершилась великая комбинация мегрельского махинатора: прежде чем дать противнику ощутить преимущество, Тенго стал гасить своего визави сходу. Точно так же, как гасят рыбу в речке, не давая возможности расплыться по разным сторонам. Он просто говорил все подряд, постепенно повышая тон, предельно подробно высказав, что сделает с ним через минуту и что у этого баскетболиста есть последний шанс сейчас уйти в сторону.

Мы держались за сердце, потому что, в случае чего, он мог пришлепнуть Тенго одним ударом, но случилось невероятное – баскетболист затрусил и протянул руку. Вот как в сказке, сильный лев с духом мышки. Но через некоторое время кто-то ударил одного из наших ребят, и тут началось месиво, в котором сложно было определить своих и чужих.

Это продолжалось недолго – на берегу оказалась наша учительница в сопровождении милиционеров. Ссора была забыта, и все кинулись, кто куда мог. Я и несколько ребят побежали в сторону медицинского пляжа, затем перескочили через железнодорожную насыпь, сбежали к автомобильной дороге, перешли ее и оказались перед забором дачи Сталина. Это очень высокий забор, но мы перемахнули через него в момент, спрятались в кустах. Милиция не появлялась, но неожиданно появились охранники госдачи и выставили нас оттуда. Все растерялись, потому что учительница и милиция все так же ищут нас. Тогда я вспомнил, что у моего друга Юры в Алексеевском ущелье дом. Мы пошли туда и увидели перед собой большое количество людей в черном. Оказалось, у Юры умерла прабабушка, и, не растерявшись, мы сделали круг вокруг усопшей и подошли к Юре.

– Юра, тут такое, – ошалевший, сказал я ему.

– Понял, алиби будет.

Наша учительница все же нашла нас, но Юра и его родственники стали утверждать, что мы тут с самого утра помогаем. А то, что это сдал Хвичи, мы узнали совершенно случайно – кто-то из нас услышал, что девочки обсуждали нашу ситуацию. Наказания для крысы не нашлось, кроме как перестать его замечать, будто никто никогда его не знал. Девочки согласились с нами, и весь класс объявил ему бойкот.

Через некоторое время мы забыли об этом и вновь стали с ним дружить, когда он провел нас на свадьбу к своим соседям-грекам. Тогда впервые мы оказались на чужой свадьбе. Свадьбы в Сухуми собирали от 500 до 1000 человек, поэтому затеряться в одной из таких не представляло никакого труда. Торжество проходило как в доме бракосочетания, так и в шепе – это большая брезентовая палатка, в которой ставили огромные столы, а стулья сооружали из досок, обмотанных газетами. Обязательное условие всех свадеб – это музыканты, которые должны были развлекать публику. Песни заказывались на всех языках всех народов, населяющих Сухуми.

Свадьба прошла отлично, никто и не заметил, что мы залетные. Утром я отсыпался у бабушки и, проснувшись, направился во двор, где бабушка уже накрыла огромный стол:

огурцы, лаваш, помидоры, сыр и арбуз с черешней. Дедушка сидел за столом с вином, а она на печке жарила мои любимые кукурузные лепешки.

– Нино, ты похожа на яблочко, – вдруг произнес мой дед.

– С ума сошел, Дато проснулся, – смущенно произнесла бабушка, показав в мою сторону, а я смотрел на них и смеялся.

– Все равно, очень похожа на яблочко, – повторил дед, а бабушка грозно посмотрела на него, будто ждет объяснений.

– Вепхо, что ты там говорил, не поняла, на какое яблочко? – кокетливо произнесла бабушка, а дед сдерживал смех, чтобы не выдать себя, предвкушал реакцию бабушки.

– Которое в духовку засунули, – засмеялся дедушка, и я вместе с ним, а бабушка подошла и забрала у него бутылку с вином.

Но мы продолжали очень долго еще смеяться, даже в какой-то момент и бабушка присоединилась к нам. То было теплое сентябрьское утро, а через два месяца мой день рождения, о котором я всегда думал заранее. И так тщательно продуманные дни рождения с возрастом забываются, а запоминается какой-то один, в котором ты пережил очень сильное волнение. Таким был мой 15 день рождения.

У наших соседей была бильярдная, и все свободное время я убивал там. С утра до позднего вечера мы упражнялись в этой интереснейшей игре. Когда темнело, мы включали дизель-генератор и играли при свете ламп. Из-за взрыва ЛЭП при высадке десанта весь город был погружен в темноту, и только один дом освещен вовсю. Кто-то, видимо, подумал, что там штаб.

Наступил день моего рождения: утром мы с соседом, как всегда, залезли в бильярдную и вовсю играли. Где-то в час дня моя мама позвала меня к столу – отмечать мы не собирались, но торт все же приготовила. Я с неохотой спустился и пришел домой. Не успели мы сесть за стол, как послышался шелест, затем свист и страшные взрывы. Все рванули в подвал, вокруг сыпались стекла, куски железа и земли. Вскоре все стихло, и можно было слышать, как по крыше стучат падающие на шифер осколки. Выглянув наружу, мы увидели, что из соседского дома поднимается дым, и все рванули туда. Горела как раз та часть дома, где находилась бильярдная. Мы бросились к движку, включили его, бросили в бассейн пожарный насос, но он не работал, осколками перебило провода. Телефон не работал по той же причине. Кто-то из соседей, кто был на машине, рванул к пожарным. Тем временем с другом решили выносить мебель из горящего дома. Вдвоем мы вынесли из окна диван, который потом вчетвером не смогли втащить обратно. Подъехали пожарные, и им удалось спасти часть дома. Когда все стихло, мы поднялись в бильярдную, оказалось, снаряд «Града» попал прямо туда, там ничего не осталось, только пара обгоревших и рассыпающихся в руках шара. Останься я там играть, от меня тоже ничего не осталось бы.

Позже пришла зима 1993 года, которая выдалась очень снежной. Некоторые говорили, что такие осадки были вызваны активным применением артиллерии обеими сторонами, что произвело пертурбации в атмосфере. Я же это приписывал природе, которая пыталась скрыть следы человеческой деятельности, когда люди пошли друг на друга. Помню, как мы были у дедушки, и пошел сильный снег. У дедушки во дворе росли восемь деревьев фейхоа, из которого бабушка делала просто неповторимый компот и джем. К вечеру наступала тишина, шел крупный снег, и тяжелые лапы вечнозеленых деревьев сгибались под тяжестью этого снега.

Мы всю ночь по очереди выходили на улицу и палками стряхивали с веток снег, приходилось добираться и до хурмы с ее тонкими ветками, чтобы спасти будущий урожай. К сожалению, ни хурма, ни мандарины не могли осчастливить меня в тот год. Примерно 25 декабря абхазская артиллерия начала обстрел центра Сухуми. Первый же снаряд попал в дом сухумского художника Пети Цквитария, и все его картины сгорели вместе с домом. После этого он сломался и умер где-то через год уже беженцем в Тбилиси. 25-го мы как раз были у тети – она

жила около Дома правительства, и мы слышали, как глухо ухают где-то поблизости разрывы снарядов. Эти звуки приглушал снег.

Сам Новый год прошел в безудержной пальбе в небе с обеих сторон Гумисты из всех видов оружия, начиная от автоматов и заканчивая зенитными орудиями всех калибров. Но после Нового года обстрел центра города продолжился, и родители нас отвезли к бабушке, думали, что туда снаряды не долетят. Но 6 января, в сочельник, когда мы уже легли спать, я увидел вспышку на стене, а через секунду раздался грохот. За ней последовала вторая вспышка, звон стекол, пыль и дым, мы рванули в сторону люка в подвал. Но на нем стоял стол, поэтому пришлось выходить в мороз на улицу и при этом тащить бабушку, которая была оглушена взрывом. Спрятавшись в подвале, все постепенно приходило в себя. Выйдя наружу, мы увидели полосы огня, уходившие в сторону Гумисты – это грузинские «Грады» подавляли огневую точку, откуда произошел обстрел.

После того, как все утихло, я с бабушкой обошел дом: с одной стороны он был весь побит осколками, половина из них вошла в окно и прошла над постелью бабушки и дедушки. Приподнимись они после первого взрыва – вторым их точно убило бы. Утром мы затянули окна целлофаном, залатали крышу, наклеили на окна бумажные крестики, открыли люк в подвал. Всю оставшуюся войну этот люк мы не закрывали, и нам часто приходилось туда нырять. С Гумисты перестали забирать воду, водопровод иссяк, и мы стали пользоваться талой водой, благо, снега было предостаточно. Бабушка даже говорила, что талой водой очень полезно стирать вещи – не надо отбеливать. Снег лежал несколько месяцев и весной, а когда все растаяло, мы обнаружили на крыше много ржавых осколков, которые, видимо, после взрыва полетели вверх и потом просто упали на шифер, не пробив его.

Сухумские яблоки

Чем пахнет осень? Кто-нибудь может определить запах осени? Если приглядеться к природе, то она самая яркая и сочная в октябре.

Казалось бы, она расцвела и достигла своего величественного колорита. Листья кружатся в багряном вальсе, деревья склонили свои кроны от порывов ветра, и кажется, вот-вот они опустятся в благодарственном реверансе к минувшим дням. А представить только, что через какое-то минутное мгновение город погрузится в серую муть. Нет, ведь только что он был совершенно ярким и жизнеутверждающим, а мгновение спустя природа потеряет силы и сбросит с себя все вдохновение жизни. Московская осень – она такая быстрая, будто куда-то спешит. Не удастся насладиться красками и дыханием последнего свежего глотка.

Утро выдалось на удивление спокойным, мне не нужно было никуда идти. Медленно растягиваясь в кровати, я поднимался к кофе с сигаретой. Мои неизменные утренние гости, которые сопровождают всю сознательную жизнь. Но это утро окрасилось своей повседневной оригинальностью.

Я услышал запах мандаринов. От пробивающего свежего запаха знакомых до боли фруктов меня будто отбросило назад на кровать. Прижатый неожиданным явлением в октябре, я дивился своей впечатлительности. Свежие, маленькие, громкие, они стояли на столе в большой корзине. «Откуда?» – подумал я... Боже, откуда ты кинул мне в лицо такое наслаждение? Только я задался риторическим вопросом, как вспомнил, что это дары Абхазии, которые тетя привезла для мамы. Я сел за стол и смотрел на мандарины.

Я смотрел, не смея дотронуться до них, даже дышал через раз. Мне казалось, если я прикоснусь к ним, то они испугаются моего грубого натиска и перестанут благоухать. Не отрывая взгляд, я погрузился в воспоминания. Для всех мандарины – это запах Нового года и зимы, но для меня это самая жгучая осень, обжигающая болезненными воспоминаниями. Разве мог я, шкет, прыгающий со своей рогаткой по окрестностям нашего сада, представить, что буду скучать по вкусу своего огорода.

В углу стола стояли яблоки «брызги шампанского» – сорт, который ничего не скажет постороннему человеку, но тот, кто хоть раз испробовал «сухумские шампанские», никогда не забудет это первое ощущение. Маленьким я думал, почему же они называются брызги шампанского? Это после, открыв первую бутылку шампанского, я понял, ведь от надкусывания яблока так же разлетались и разбрызгивались по всему твоему телу. Настолько сочными были эти маленькие красные дары эдемского сада. Это были любимые яблоки моего папы. Как же он бежал в сад, не дожидаясь, пока они сами упадут к ногам, срывал и жадно надкусывал. А я прыгал возле него и смеялся, пытаясь тоже достать до ветки. Этот вкус детства, вкус яблок, аромат мандаринов, шум дождя, запах моря и влажной земли, которые доносились с побережья.

Я погрузился в прошлое, все сработало мгновенно, подобно мадленке Пруста. У Пруста в романе «По направлению к Свану» главный герой опускает печенье-мадленку в чай и уносится в детство на сотни страниц, потому что для него это вкус детства. Мандаринки сделали свое дело – я погрузился в свое детство и вспомнил, как папа привозил их ящиками домой. Я жонглировал, игрался, кидался, раздавал, разбрасывал эти пахучие дары природы. Помню, как любил чистить один за другим, потому что после мои пальцы отдавали этим ароматом. И не заметил, как машинально поднес пальцы к носу и вдыхал.

Оказался в прошлом, где мы с дедушкой гуляли вдоль Черного моря, где он меня возил из Очамчиры в Сухуми. Как же я любил собираться в Сухуми. В то мгновение я чувствовал себя самым важным на всей планете – мне казалось, что я подобен Робинзону Крузо или Хри-

стофору Колумбу, которые отправлялись на поиски приключений в дальние страны. Я был уверен, что обязательно там произойдет нечто интересное. И как же я переживал, когда папа или дедушка уезжали без меня. Ведь в это мгновение мне нестерпимо казалось, что именно сейчас что-то произойдет, а я все пропускаю.

Я вспомнил себя и дедушку возле калитки, как я тащил его к морю, а он, понимая по хмурым облакам, что сегодня не время, сопротивлялся мне, но все же уступал и отправлялся со мной на поиски приключений. Помню, как мы зашли в киоск купить мне мороженое, и вдруг пошел дождь. Я взглянул на своего деда, а он удивленно поднял брови и утвердительно покачал головой. В тот день я был расстроенный, ведь мне приснился сон, что я нашел жемчужину у моря, и обязательно хотел побежать туда, чтобы удостовериться, что ее там нет. Но дождь испортил все мои планы. С дедушкой мы спрятались под магнолией и смотрели, как под дождем сгибается сирень. Каждая капелька для хрупкого листочка была ударом кувалды, листочки сгибались и вновь стремительно разгибались, и так, капля за каплей, они выбивали дробь по нежным листьям магнолии и сирени. Дед рассказывал, что очень боится грозы, а я смеялся над ним. Это сейчас я понимаю, что он говорил это специально, чтобы не было страшно мне. Ведь при каждом раскате грома и сверкании молнии я дергался, но и в одном глазу не давал понять, что мне страшно. А после слов деда я и вовсе считал, что обязан его поддержать – такой взрослый и боится грозы.

Мандарины заставили меня скучать по детству, городу, который никогда не вернется в мою жизнь. Никогда я не встречусь с дедушкой, никогда мы не постоим под магнолией во время дождя, и я уже никогда не окунусь в Очамчирское море, заедая свое наслаждение «сухумскими шампанскими».

Никто никогда не сможет вам передать аромат абхазских мандаринов. Нет, то, что сейчас – это суррогат, дубликат, но вовсе не оригинал. Не тот прекрасный запах, когда ты отрываешь корочку – и в тебя ударяется кисло-сладкий аромат, который слышен через три квартала... Нет, это нечто большее, чем просто мандарин. Это целая культура мандарина... Кожица у него тонкая и легко отрывается, а вкус сладкий, будто обсыпан сахаром. Но больше мандаринов я любил инжиры.

Помню, как бабушка меня гоняла палкой, ведь я пытался сорвать не созревшие инжиры. Она не видела их, потому что была очень маленького роста, но понимала третьим глазом или чутьем, что еще не время... И правда, было не время, ведь инжир подобен молодой красавице, которая юна и прекрасна, но она еще не созрела для того, чтобы сорвать и упиться ее сладостью любви. Нет, она прекрасна, но нужно еще немного подождать. Ведь, подождав еще немного, ты сможешь вкусить созревший фрукт, готовый даровать тебе все наслаждения райского сада.

Вкус созревшего инжира, который раскрывает свою «попку» – так я называл его в детстве, – несравнимый ни с чем другим. Никогда после я не ел такого инжира, как в детстве. Ни один фрукт не созрел для меня настолько, как тот. Все остальное остается неспелым и невкусным.

Когда я был молод, мой отец говорил о своей тоске, но я никак не мог понять, о чем идет речь. Мне казалось, что Москва – прекрасный и полный возможностей город. Мы спаслись от огромной беды – война. Зачем скучать по месту, где не было столько возможностей. И только сейчас я понимаю, о чем говорил мой папа. Наверное, он так же скучал по Очамчире, как и я сейчас. Наверное, поэтому он никогда после того, как мы приехали в Москву, не кушал мандарины. Он говорил, что они тут не такие вкусные, как там. Но теперь мне понятно – он не мог просто справиться с болью воспоминаний, в которые его бросали эти рыжие дары природы.

Необъяснимое происходит с тобой, оно настигает тебя рано или поздно – ощущение тоски по собственному прошлому. Как сказал грузинский классик: «Где довелось родиться и расти, туда душа до старости стремится». Моего отца уже давно нет в живых, и кажется мне, что если и существует рай, то он будет для него в Очамчире. Его рай там.

Запах моей осени – это сладко-терпкий запах и аромат осенних цветов. Это запах моря и дождя с легким оттенком и привкусом грусти, что все когда-то увядает.

Я погрузился настолько сильно в свои воспоминания, что не заметил маму, которая стояла надо мной и что-то усердно пыталась донести. Оказалось, увидев мой пристальный взгляд на мандарины, она рассказывала, что это мандарины с нашего сада, тетя их привезла.

- Я узнал запах мама, я их узнал, – ответил я ей.
- Ешь, что смотришь, – спросила она меня.
- Нет, я не хочу, – ответил я и встал, чтобы направиться в уборную.
- Вылитый отец, – крикнула она мне в спину.

Она не видела, но поняла, что на моем лице раскрылась широкая улыбка, я ощутил невероятное тепло внутри себя. Я – вылитый отец. И я тоже однажды уйду и окажусь в своем раю, с мандаринами и яблоками «брызги шампанского», где меня встретят бабушка, бабушка и папа под шум морского прибоя. Однажды я буду счастливым в своем прошлом.

И в тот год я побывал там, в тот самый нежный и ласковый май. Мне говорили, что кто-то ухаживает за мамиными садами, но, скорее всего, нас обманули. Я не видел ни одного живого цветка в старом саду моей мамы, который она так трепетно пыталась сохранить. Как же бывает странно возвращаться в старые места, где пепелища памяти, которые никогда не смогут вернуться и не повторятся больше никогда. Я прошел мимо сирени и гортензии, которая некогда так цвела, что перекрывала своими бутонами обзор к саду; теперь же не цветет ничего так размашисто. Истоптанные акации, ростки пионов и розы – все это, словно скальпелем по сердцу, резало меня изнутри... Я не мог привыкнуть к виду моего красивого дома. Я присел у умирающего сада и, склонив голову, вспомнил все... Меня накрыла волна воспоминаний моего детства. И вот мне слышалось, как отец зовет меня помыть машину, а мама поливает цветы. Дедушка сидит в своем кресле и улыбается мне. Голос воспоминаний сменился тишиной настоящего, я будто оглох и перестал что-либо слышать... Пока...

- Папа, папа, – бежал ко мне мой маленький сын.

Он бежал так же, как когда-то бежал я к своему отцу: когда он открывал калитку, я уже мчался со всех ног, чтобы обнять его, ну и, конечно, как ребенок, я хотел увидеть, что же он купил мне.

Малыш бросился мне на шею, обнял изо всех сил и висел на мне с двух минут, я ощутил запах надежды. Вот же оно! Прошлое, которое меня поглотило в эту секунду, память меня не отпускала в сад, и на мгновение я поддался этому жестокому порыву, что хотел слиться с прошлым и тоже исчезнуть в гуле воспоминаний. А маленький звонкий голосок даровал мне надежду в будущее, я понял, что не могу раствориться в своей тоске по прошлому, потому что мое маленькое будущее, так крепко вцепившее в мою шею, надеется на меня.

- Папа, а где мы? – спросил меня сын.
- Мы в доме твоего дедушки, – ответил я, посадив сына к себе на колени.
- Это дом папы мамы? – удивленно спросил он, ведь никогда не знал другого дедушку, кроме того, который жив.

- Нет, это моего папы дом. Твоего дедушки, – ответил я.
- А где дедушка? – спросил сын.
- Далеко, сынок, очень далеко, – ответил я с грустью.

Я увидел, как его юное лицо нахмурилось, и он задумался о своем новом дедушке, которого он никогда не видел. Он смотрел на меня удивленно и что-то хотел спросить, но не мог подобрать слов и не знал, что бы он хотел узнать, потому что ему сейчас все было новое, и он бы хотел знать все.

– Хочешь, я расскажу, каким был твой дедушка? – спросил я жаждущего диалога ребенка. Мне не нужен был ответ, хотя он собирался было что-то ответить, но его жгучие черные глазки, светящиеся в предвкушении интересного рассказа, без слов дали свое согласие.

- Запомни, сынок, твой дедушка был храбрым человеком, все боялись его взгляда.
- Он мог победить любого? Даже Дарта Вейдера? – спросил удивленно он.

Я улыбнулся и кивнул ему, хотя и не понимал, как это могло бы произойти в жизни, но я был уверен, что и Дарт Вейдер был бы побежден моим отцом.

– Слушай внимательно, не перебивай. Твой дедушка со страстным сердцем и с болью говорил об обиженном человеке. Он так же меня сажал на колени, как я тебя, и говорил мне: «Помни, сынок, если взялся за коня и хочешь продолжить свой путь, то крепко держись седла, не позволяя никому тебя согнуть. Никогда не обижай зря человека и не спеши оголить кинжал. Ведь если назвался мужчиной и нож достал, то придется всегда идти до конца». Твой дед, мой мальчик, никогда не падал духом и друзьями дорожил. Ты знаешь, как он ценил семью – святое место, не позволяя никому даже косо взглянуть на дом. Он мне твердил: «Не падай духом – погибнешь раньше срока». Будь честным и никогда не ври – твой дед никогда не врал, мой мальчик.

- Даже когда знал, что его накажут? – перебил он меня.

– Хм, – улыбнулся я, – даже когда знал, что его накажут. Но никто не мог его наказать, никто никогда не посмел бы на него поднять голос. С самого детства он заслужил такое уважение, что с ним советовались, его слушались.

- Я тоже так хочу, чтобы никто меня не смог ругать. Даже мама, никогда, – ответил сын.

– Если ты не будешь себя вести плохо, а будешь таким, как твой дед, никто тебя не поругает никогда, – ответил я и продолжил, – твой дед никогда не позволял никому себя унижать. Он говорил: «Никогда никто не смеет усомниться в твоей правоте. Но от силы своей ты не должен наглеть». Твой дед никогда никого не судил и не осуждал. «Если кто-то поскользнулся, но он в душе хороший человек, то руку ты ему подай и помоги подняться», – твердил он мне, а я тебе, сынок! Если на тебя свалится горе и беда, и ты захочешь выкрутиться и спастись, не смей прибегнуть к подлости и лживости, твой дед таких презирал!

– Нельзя обманывать, что я покусал кашу в садике, а самому выбросить ее в окно? – удивленно спросил он.

И я подумал, как много я не знаю о своем сыне, как быстро растут дети и как быстро они схватывают уроки жизни.

– Нельзя! Научиться подлости легко, и быть подлым легко – сложнее быть прилежным. Твой дед был сложным и сложности преодолевал, он был из стали, крепкий и сильный, как кремь. Он одной рукой мог разломать деревянный стул.

– Как Халк? – еще больше удивился ребенок, и его глаза загорелись яркими прожекторами.

– Лучше Халка, сильнее и смелее. Он был не просто из камня и стали, он сам был камнем и сталью! Он мог разрушить все стены и преграды, но всегда помнил, что только по совести нужно поступать в этой жизни, и этому меня учил, а я сейчас тебя.

- Он был знаменитым?

– Очень знаменитым, его знали многие, у него было много друзей и его все любили, – ответил я.

- А я могу его увидеть, Халка-деда? – спросил меня в предвкушении сын.

– Нет, сынок, он сейчас далеко на небесах и смотрит на тебя сверху. И помни, что ты должен быть похожим на него, ведь он следит за тобой сверху, каким ты станешь.

– Да-да, я буду сильным, как дедушка, титановый! – вскрикнул он и поскакал по саду, изображая воинственные трюки.

И я смотрел на него и упивался им. Нет, полностью мы не умираем – мы продолжаемся в детях. Как я – продолжение моего деда и отца, так и он – продолжение моего отца и меня. Мы всегда оставляем частицу себя своим детям, они могут это зерно развить и стать лучше нас, но могут забросить корнеплод, перестать ухаживать и подпитывать, и станут совершенно

не такими, как мы, тем самым отдаляясь от своих корней. Вытягивая корни с болезненной силой, но до последнего они не рвутся, а лишь растягиваются в надежде, что заблудшая душа вернется к своим истокам.

К калитке подбежали местные ребята и стали говорить что-то моему сыну. Он, конечно, не понимал, что они говорят на неизвестном для него языке. Но я услышал четкий ответ моего сына.

– Я тут не живу! Это дом моего великого деда из титана, и он был самый сильный! – с гордостью произнес он.

Мой Каштак

Если б было все на свете просто так, я б в субботу поехал на Каштак. Мог бы я рвануть и на маяк, если б было все на свете просто так. Единичка бы на автобусе сияла, это если б я поехал от вокзала, через город мимо Килосури, мимо запаха горячих хачапури. Где меня когда-то дядя Гурик, дядя Ролик, дядя Алик и дядя Сурик обучали правильно нырять, по волне ребристой запускать мелкой галькой скачущую рать и, конечно, чебуреки жрать, а не жрать их было невозможно. Обжигая соком губы, кожу – чебурек был просто уничтожен, а потом и на трое помножен. Больше в нас, увы, не помещалось. Боже мой, какая шалость! Ах ты, Боже мой, какая жалость, что об этом вспоминать осталось. И ведя колдобинкам отчет, пыль вздымая каждым поворотом, первый номер выполнял работу для меня в волшебную субботу.

Из газеты треуголка и вьетнамки цвета «беж» – я иду такой красивый, выбрит, свеж. Треуголка прикрывает, правда, плешь, но она единственная моя брешь. А потом в парное море окунувши свою статью, метров тридцать легким кролем не проплыть, а показать этим жалким бледнолицым, что такое отдыхать. Я приверженец традиций – начинаю загорать. Через час, устав от скуки, разомлевши от жары, лежа надеваю брюки под воздействием хандры. И несусь в руках вьетнамки, на ногах еще песок, треугольная панамка – и совсем не беспокоит эта брешь. Снова здравствуй, первый номер, до свидания, Каштак, мой искомый и весомый маленький архипелаг.

Удивительное дело, начиная от Синопа, мое царственное тело превращается в амебу. Одноклеточные мысли растеклись под микроскопом. В голове моей зависло: «Я хочу воды с сиропом». Остановка «Краснофлотский»: для меня наконец-то распахнулась западня.

Вырываясь из автобусного плена и едва не превращенный в манекен, разминая на ходу колено, я снова превращаюсь в супермена. А усталость и слегка помятость я меняю на щеголеватость. Даже то, что на ногах вьетнамки, не изменит ничего в программке, кроме незначительной ремарки, где такие раздают подарки.

В истории немало темных пятен под грифом «абсолютно непонятен». И это выглядит с виду по-идиотски, что называли остановку «Краснофлотской».

Но, согласитесь, тут несправедливость, фактическая противоречивость, картографическая прибаутка, не уясненная моим рассудком. От остановки начиналась Геловани и пропадала где-то в глухомани, почти что в небесах в краю орлином, куда был путь закрыт автомашинам. А Краснофлотской пыльная макушка заканчивалась возле стен психушки и начиналась только за речушкой с волнительным названием Гнилушка. А от Гнилушки до остановки реально умещалась стометровка.

Нас, Гелованских, это возмущало. Воспитанность, увы, не позволяла нарушить кодекс донкихотский – осталась остановка «Краснофлотской».

О, эта улица – начало всех начал. Отсюда сухумчанин стартовал, отсюда начинал идти по жизни, по-южному легко и живописно. Здесь был родильный дом, я здесь увидел свет, здесь свет увидел весь сухумский цвет. Напротив – школа Министерства связи, а дальше – территория турбазы. За ней уже и психбольница, где под руку гуляли царь с царицей, два Галилея, три Джордано Бруно и человек с усами Лейб Драгуна. Сухумские таксисты бастовали, чтобы не ехать вверх по Геловани. Доехать можно было до турбазы, а за турбазой почти что сразу, за островками битого асфальта лежало царство гравия базальта. Асфальт на этой почве не держался и первым же дождем легко смывался. Но как здесь развивалась медицина, среди мимоз, хурмы и мандаринов. Количеству врачей на Геловани завидовали немцы и англичане.

Здесь обитало удивительное племя. Мой Бог, в кого нас превратило время! Грузины, греки, русские, армяне и пятым пунктом были сухумчане. Пятачок на Геловани назывался

«Монте Карло». Там под кронами пятаков собирались регулярно сливки местного бомонда: Севе, Буха, Котик, Джондо – краснофлотские дворяне, из дворов ближайших парни.

Обсуждению подвергались вести от Москвы до Гали, от Эшеры до Турипша, от Парижа до Гаглипша. Что-то было в тех беседах от Сократа – просто сам Сократ работал рядом. Хозяйки продавала тетя Рая, с ней заигрывал Котэ Берая. Молотком стучал сапожник Грантик, выправляя вдоль подошвы рантик. Разговоры замолкали сразу, когда мимо проплывала на турбазу, шаловливо бедрами играя, из блондинок невозможных стая.

– Севе, а твоя какая? – громко спрашивал Котэ Берая.

Взглядом раздевая вереницу, Севе выбирал из стаи птицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.